

Лев ЛУРЬЕ
Леонид МАЛЯРОВ

ОКНО
ИСТОРИЮ

Лаврентий
Берия
Кровавый
прагматик

bhv®

Окно в историю

Лев Лурье

**Лаврентий Берия.
Кровавый прагматик**

«БХВ-Петербург»

2015

УДК 94
ББК 63.3(2)

Лурье Л. Я.

Лаврентий Берия. Кровавый прагматик / Л. Я. Лурье — «БХВ-Петербург», 2015 — (Окно в историю)

ISBN 978-5-9775-0753-0

Эта книга – объективный и взвешенный взгляд на неоднозначную фигуру Лаврентия Павловича Берии, человека по-своему выдающегося, но исключительно неприятного, сделавшего Грузию процветающей республикой, возглавлявшего атомный проект, и в то же время приказавшего запытать тысячи невинных заключенных. В основе книги – большое количество неопубликованных документов грузинского НКВД-КГБ и ЦК компартии Грузии; десятки интервью исследователей и очевидцев событий, в том числе и тех, кто лично знал Берию. А также любопытные интригующие детали биографии Берии, на которые обычно не обращали внимания историки. Книгу иллюстрируют архивные снимки и оригинальные фотографии с мест событий, сделанные авторами и их коллегами. Для широкого круга читателей

УДК 94
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-9775-0753-0

© Лурье Л. Я., 2015
© БХВ-Петербург, 2015

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Мальчик из Мерхеули	8
Малая родина	9
Семейные тайны	13
Сухуми	17
Баку	22
В мусаватистской контрразведке	31
Азербайджанский чекист	41
Первый успех	43
Между ГПУ и институтом	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Л. Я. Лурье, Л. И. Маляров
Лаврентий Берия. Кровавый прагматик

© Лурье Л. Я., Маляров Л. И., 2015

© Оформление, издательство «БХВ-Петербург», 2015

Предисловие

В 2008 году, незадолго до русско-грузинской войны, телевизионная группа петербургского Пятого канала, в которую входили оба автора этой книги, совершила продолжительную поездку по местам жизни и деятельности Лаврентия Берии. Целью путешествия была съемка четырехсерийного документального фильма «Подсудимый Берия». Мы побывали в Сухуми, Мерхеули, Тбилиси, Гори, Баку, Балаханах, Сарове, Берлине, в Нижней Саксонии и, конечно, в Москве. Группа взяла интервью у немногих оставшихся в живых современников нашего героя и тех, кто знал о Лаврентии Берии по рассказам родителей, бабушек и дедушек. Мы изучили опубликованные к этому моменту документы, побывали в грузинских архивах, поговорили с экспертами. Чем дольше продолжалось наше путешествие, чем больше мы узнавали и видели, тем рельефнее и грандиознее представляли дела нашего героя и тем неоднозначнее и загадочнее становился он сам – Лаврентий Павлович Берия.

Фильм «Подсудимый Берия» прошел на Пятом канале с высоким рейтингом. Зрительский интерес мы объясняем великолепной работой режиссера-постановщика Левана Адамии, завораживающей, «атмосферной» музыкой композитора Георгия Дзодзуашвили; к тому же это оказался первый большой документальный фильм о Берии, в котором его личность и дела показаны с разных сторон с максимальной объективностью.

И все-таки в рамках четырехсерийного фильма невозможно было рассказать все, что мы узнали и успели понять. Остались за кадром наши впечатления от городов, стран и встреч с замечательными людьми. Наконец, осталась загадка исторической личности и его великой страшной эпохи, которую мы попытаемся разгадать, мысленно вновь отправившись в это путешествие сквозь время, города и страны. Надеемся, что этот вояж окажется занимательным и познавательным для нашего уважаемого читателя.

Всякий добросовестный биограф Лаврентия Берии сталкивается с немалыми трудностями. Личный архив героя этой книги то ли уничтожен, то ли недоступен исследователям. Пока Лаврентий Павлович был в силе, в печати время от времени появлялись короткие биографические заметки, прежде всего перед выборами в Верховные Советы Грузинской ССР и СССР. Есть несколько льстивых брошюр, как всегда в коммунистический период более напоминающих житие святого, чем описание действительного жизненного пути партийного лидера.

После же 1953 года про Берию было достаточно знать, что он английский шпион и враг народа. Именно ему приписывалась вина и за сталинские репрессии, и за военные неудачи.

Со времен горбачевской перестройки опубликовано множество важных источников, посвященных жизни и деятельности одного из ярчайших политических деятелей сталинского периода. Были изданы сборники документов о деятельности Берии на Лубянке, о системе ГУЛага, Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС 1953 года и сборник материалов следственных дел Берии и бериевцев. Огромную работу проделали историки общества «Мемориал» по изучению ГУЛага, кадрового состава НКВД и репрессий 1930–1950-х годов.

Сегодня в каждом книжном магазине можно найти множество сочинений о Лаврентии Берии. Но, к сожалению, большинство из них – апологетическая сталинистская халтура. Авторы придумывают несуществующие дневники Лаврентия Павловича, рассказывают о его таинственных двойниках, обеляют очевидные зверства нашего героя.

Есть, конечно, и исключения. Например, вполне добросовестная, легко написанная книга Бориса Соколова. Основанная на изучении следственного дела Берии (до сих пор полностью недоступного историкам) книга Андрея Сухомлинова «Кто вы, Лаврентий Берия?». Научной биографии Берии на русском языке, подобной книге Никиты Петрова о Ежове, увы, пока нет. Похожую биографию тесно связанного с Лаврентием Павловичем главы Советского Азербайджана, Мир Джафара Багирова написал на базе документов ЦК компартии Азербайджана док-

тор наук Эльдар Исмаилов, наш добрый знакомый, который дал нам превосходное интервью в Баку. К сожалению, недавно он ушел из жизни.

На английском языке биографию Берии выпустила американка Эмми Найт. Работа ее вышла в 1993 году и не переведена на русский язык. К тому же с тех пор было опубликовано множество новых источников.

Что же нового найдет читатель в нашей книге? Во-первых, благодаря помощи архивных работников Грузии удалось познакомиться с большим количеством неопубликованных документов грузинского НКВД-КГБ и ЦК компартии Грузии. Нами были просмотрены подшивки тбилисских газет «Коммунист» и «Заря Востока» за 1920–1930-е годы (некоторые из газетных материалов представлены в качестве иллюстрации к книге). Записаны, а теперь и опубликованы десятки интервью исследователей и очевидцев событий, в том числе и тех, кто лично знал, видел Лаврентия Берию. Кроме того, исследуя и анализируя документы, нам удалось обнаружить ряд любопытных интригующих деталей биографии Берии, на которые обычно не обращали внимания историки. И наконец, книгу иллюстрируют оригинальные фотографии с мест событий, сделанные авторами и членами съемочной группы во время нашего кинопутешествия. Мы выражаем искреннюю благодарность своим коллегам по командировкам и авторам части фотографий – продюсеру Вере Огурцовой, режиссеру Елене Тихоновой, оператору-постановщику Игорю Юрову, видеоинженеру Ивану Николаеву, администраторам Екатерине Бердниковой и Алене Маркиной.

Мы старались быть максимально объективными, не романтизируя, но и не демонизируя нашего героя. Человек он был по-своему выдающийся, но исключительно неприятный. Представить без него историю России XX столетия невозможно. Перед вами не сухая научная монография, во многом она основана на наших личных впечатлениях, полученных в результате бесед с разными людьми, каждый из которых имел свой взгляд на Лаврентия Берию. Мы постарались учесть все доступные источники и исследования.

Книга предназначена для широкого круга читателей; надеемся, она будет интересна и специалистам.

Глава 1. Мальчик из Мерхеули

Если считать, что всякая биография – это роман воспитания, то нас интересует прежде всего детство и юность нашего героя. Что в маленьком мальчике из села Мерхеули предсказало и обусловило его дальнейшую головокружительную карьеру?

Свое путешествие для съемок фильма мы начали с Абхазии. На тот момент страна, еще не восстановившаяся после войны за независимость с Грузией, лежала в руинах. В центре Сухуми и окрестных селах множество разрушенных и пустых домов, принадлежавших грузинам и людям других национальностей, покинувшим этот благодатный край. Принимали нас, впрочем, с искренним радушием и кавказским гостеприимством. Может, отчасти это было связано с тем, что один из членов нашей съемочной группы Алексей Чачба – выходец из знатного абхазского рода. Абхазия – страна маленькая, здесь всех все знают. Президент пьет кофе на набережной, обмениваясь последними новостями с горожанами. Здесь не встретишь кричащего богатства или вопиющей нищеты. Всё выглядит одинаково скромно. Купюра в 500 рублей приводила продавцов магазинов в замешательство. Самыми ходовыми были 10- и 50-рублевые.

Казалось, война прошла не годы назад, а совсем недавно. И все готовы в любой момент, если понадобится, взяться за оружие. Обязательные тосты абхазского застолья – за победу, за погибших, за мир. Когда деликатно интересуешься, почему центр столицы остается в руинах даже через десять лет после войны, абхазы лишь посмеиваются над своей ленью. Они не самые деятельные строители и коммерсанты, но никому не придет в голову усомниться в их храбрости и благородстве. Любой разговор, интервью, с чего бы ни начинались, обязательно сворачивают на абхазо-грузинские отношения. Речь не только о жестокостях войны. Рассказывают об обидах, унижениях, связанных с насильственной грузинизацией Абхазии в советское мирное время. Немалую роль в тех событиях играл герой нашей книги Лаврентий Берия.

На Кавказе мы не встречали поклонников Лаврентия Берии, но степень ненависти к нему в Абхазии зашкаливает. Услышать о нем хоть одно хорошее слово практически невозможно. Берия для абхазов – дьявол во плоти. Причины тому просты и связаны с деятельностью нашего героя в 1930-е годы. О них мы еще расскажем в нашей книге.

Малая родина

Согласно официальным биографиям, Лаврентий Павлович Берия родился в 1899 году в селе Мерхеули, по-абхазски Мерхеул. Он явился на свет на пороге XX века. Его жизнь будет перерезана революцией. Для его сверстников из привилегированных сословий события 1917 года имели обычно роковое значение, они становились «лишенцами», изгоями, часто подвергались политическим репрессиям. Напротив, для наиболее способных и имевших хоть какое-то образование выходцев из крестьян, рабочих и низовой интеллигенции родиться в конце 1890-х – хороший шанс устроить при большевиках стремительную карьеру. Именно на них сделает ставку Иосиф Сталин. Сверстниками Берии были Никита Хрущев (1894), Николай Булганин (1895), Георгий Жуков (1896), Андрей Жданов (1896), Георгий Маленков (1901), Николай Вознесенский (1903).

Сухуми с ранами войны

Набережная Сухуми – любимое место променада горожан

Абхазский историк Роин Агрба и редактор Алексей Чачба

Село Мерхеули

Но, конечно, когда Лаврентий Павлович явился на свет, никто не предполагал, как могут сложиться его жизненные обстоятельства. Иосифу Сталину в этот год исполнился двадцать один. До Первой русской революции оставалось шесть лет. Мировая война разразится через пятнадцать. Октябрьская революция произойдет через восемнадцать лет.

Некогда по-преимуществу грузинское село Мерхеули лежит на левом берегу реки Мачара, впадающей в Черное море. Расположено неподалеку от Кодорского ущелья, где в августе 2008-го начались боевые действия. Даже сегодня полупустынное, частью разрушенное село чрезвычайно живописно. От него открывается великолепный вид на долину.

В 1878 году закончилась Русско-турецкая война, которая привела к освобождению Болгарии. Большинство адыгских народов, к которым относятся и абхазы, по предположению русского правительства тайно или явно сочувствовали туркам. В результате часть абхазского населения подверглась той же участи, что за несколько десятков лет до этого их соседи черкесы. Они стали «мухаджирами» – с огромными жертвами были насильно выселены или бежали добровольно в Турцию. Опустело много земли, которую заселил считавшийся дружественным России народ – мегрелы. Мегрелия – ныне часть Грузии, с административным центром в Зугдиди. Она соседствует с Абхазией через реку Ингури.

Эта далекая история имела для Лаврентия Берии некоторые биографические последствия. Абхазы считали и считают себя никак не связанными с Грузией; постепенное заселение их земель мегрелами им казалось ползучей агрессией. С абхазской точки зрения изгнание грузин в середине 1990-х – это расплата за то, что они расселились в опустевших абхазских селах, таких как Мерхеули.

Вражда между соседними народами существовала всегда и не приводила к кровавым столкновениям только потому, что и Абхазия, и Грузия были сначала частью Российской империи, а затем СССР. Но Лаврентию Берии, долгое время возглавлявшему Грузию, а потом «шефствовавшему» над ней из Москвы, постоянно приходилось разбираться в этой вековой распре.

По данным переписи населения 1886 года в селении Мерхеули проживало православных христиан – 446 человек, мусульман-суннитов – 20 человек. По сословному делению в Мерхеули имелось 5 князей, 15 дворян, 5 представителей православного духовенства и 436 крестьян. Представителей «городских» сословий в Мерхеули не проживало. В Мерхеули, согласно данным переписи 1886 года, осталось лишь семь дворов абхазов с общим населением 20 человек: все они являлись представителями высших сословий и мусульманами по вероисповеданию.

Семья Берии происходила из мегрельских выходцев. После распада единого грузинского государства в XV веке Мегрелия почти 400 лет была самостоятельной до того, как в 1803 году последний царь Мегрелии Григорий Дадiani отдался под власть русского государя. И только в 1867 году Мегрелия окончательно объединилась с Россией и вошла в состав Кутаисской губернии. Вплоть до Великой Отечественной войны мегрельский язык считался самостоятельным, хотя и близким грузинскому. На нем издавались газеты, велось делопроизводство. Даже сейчас в независимой Грузии каждый знает, кто он – картлинец, кахетинец, имеретинец, гуриец или мегрел. Любое нарушение баланса между этими группами во власти вызывает ревность тех, кто считает своих земляков обиженными.

Семейные тайны

Согласно канонической биографии Лаврентия Берии, его отец, Павле (Павел) Хухаевич Берия, бежал из Мегрелии в Абхазию в 1857 году. В Мегрелии крепостное право было исключительно жестоким и мало отличалось от рабства. Даже священники считались крепостными. После вступления на престол русского царя Александра II в Мегрелии началось крестьянское восстание против землевладельцев – тавади и археулов. В Зугдиди и его окрестности были введены русские войска. Начались повальные аресты. Официальные биографы Лаврентия Павловича пытались выдать Павле за вожака крестьянского восстания, бежавшего от преследования жандармов. Так биография героя выглядела романтичнее. На самом же деле Павел Берия перебрался в Мерхеули не раньше середины 1890-х годов, то есть вряд ли участвовал в каком бы то ни было мятеже.

Вообще, семья, в которой прошло детство Лаврентия Берии, весьма загадочна. Внимательное изучение документов заставляет по-новому взглянуть на первые годы жизни нашего героя и вызывает немало вопросов. Например, заглянем в официальный документ «Список членов семей и близких родственников осужденных врагов народа Берия, Меркулова, Деканозова, Кобулова, Гоглидзе, Мешика, Влодзимирского». В списке четырнадцать близких родственников Лаврентия Павловича. Скажем сразу, даже став одним из главных руководителей СССР, Берия не использовал служебное положение для помощи родне. Одна его сестра работала портнихой, две были колхозницами, две – уже пенсионерками. Обращает на себя внимание очень странное обстоятельство, которого почему-то не касаются биографы Берии. Все родные братья и сестры Лаврентия кроме Анны (Аннеты), как сказано в документе, – от разных отцов.

Самое таинственное и непонятное, как переплелись судьбы отца Лаврентия – Павле Берии – и двух других мужчин или мужей его матери Марты Джакели – Дмитрия и Андрея Кварацхелия. Согласно упомянутому документу, первым у Марты родился Кварацхелия Капитон Дмитриевич. Год рождения его неизвестен, но на его старшинство указывает тот факт, что уже в 1916 году у него появилась дочь Сусанна, племянница Лаврентия. Затем Марта родила девочку – Тамару Дмитриевну Кварацхелия (1898), которая указывается в списке как родная сестра Л. Берии. Можно было бы предположить, что отец детей некий Дмитрий Кварацхелия вскоре умер, так как в следующем, 1899, году родился сам Лаврентий Павлович (не Дмитриевич). Однако прошел еще один год и на свет появилась Кварацхелия-Антадзе Елена Дмитриевна (!), обозначенная в списке как сестра Лаврентия по матери. Получается, что отец Лаврентия Павел Берия к ней отношения не имеет, но имеет отношение первый муж, все тот же Дмитрий Кварацхелия. Который, согласно официальной биографии Берии, к тому времени давно умер. О том, что Марта была вдовой, свидетельствует в своей книге сын Лаврентия Берия Серго: «Бабушка, Марта Джакели, была очень бедной женщиной. Первый муж ее умер, и она, имея сына и дочь, вышла замуж за Павле».

Столь таинственным и кратковременным воскрешением Дмитрия Кварацхелии история не заканчивается. Вскоре на супружеском ложе Марты появляется новый персонаж, но все с той же фамилией Кварацхелия. В 1902 году рождаются сын Ной и дочь Паша Андреевичи (!) Кварацхелия. Невесть откуда взявшийся Андрей спустя время опять проявит себя.

Получается весьма сложная и даже абсурдная картина. Марта Джакели рождает от Дмитрия Кварацхелия сына Капитона и дочь Тамару, затем уходит к Павлу Берия, в результате чего родился Лаврентий. После возвращается к Дмитрию Кварацхелия и рождает дочь Елену. Затем возникает новый персонаж – Андрей Кварацхелия, от которого являются на свет близнецы Паша и Ной. После чего беспокойная Марта возвращается к Павлу Берия и рождает в 1905 году глухонемую Анну, к которой единственной из братьев и сестер Берия относился как к

родной. Но через три года снова всплывает имя Андрея Кварацхелия. От которого появляется сын Лука, родившийся в 1908 году. И все это происходит не в каком-нибудь мегаполисе, а в небольшой кавказской деревне со строгими патриархальными нравами.

По свидетельствам знавших Марту людей, она была женщиной благонравной и набожной. Добросердечную и отзывчивую соседку до сих пор поминают добрым словом в родном селе. Еще более весомым является документ – справка, предоставленная чекистами в ЦК КПСС: «Мать Берия, Берия Марта глубоко верующая женщина, систематически посещает церкви, имеет обширные связи с верующими лицами как в Тбилиси, так и в других районах Грузии». С этим образом никак не вяжутся три одновременно сосуществующих мужа.

Единственное разумное объяснение, которое приходит в голову: уезжая из Мерхеули с сыном Лаврентием и дочерью Анной, Марта доверила остальных своих детей не мужу Павле, а неким своим родственникам, быть может, просто односельчанам Андрею и Дмитрию Кварацхелия, которые их усыновили и дали свои фамилии и отчества.

Из шестерых детей Марта забрала с собою всего двоих – Лаврентия и глухонемую Анну. Взяла, вероятно, самого способного, на кого надеялась, и самую немощую, которую больше жалела, которую трудно было куда-либо пристроить. Из остальных четверых детей к 1953 году трое оставались в Абхазии, одна проживала в Тбилиси. Именно отъезд Марты из Мерхеули объясняет такую путаницу с тремя разными отчествами ее дочерей и сыновей. Про ее мужа Павле мы знаем только из воспоминаний Серго Берия: «Своего деда по отцу Павле я помню смутно. Остались в памяти черная дедова бурка, башлык да еще рассказы о нем самом, человеке чрезвычайно трудолюбивом и деятельном». Был ли Павел именно таким образцовым главой семейства и видел ли на самом деле своего деда Серго, можно только догадываться. Все последующие события показывают, что Марта фактически порвала с ним отношения. И даже не доверила ему своих детей.

Она пристроила их в семьи Дмитрия и Андрея Кварацхелия, которые усыновили их и дали свою фамилию и отцовские имена в качестве отчества. Видимо, и учитель Лаврентия Николай Кварацхелия принадлежал к тому же семейству. Эта версия представляется авторам наиболее правдоподобной.

В любом случае эти сведения дают возможность лучше понять личность и поступки Берии. Становится более объяснимым странное для грузина невнимание и даже пренебрежение к близким родственникам. В большинстве своем они остались жить там, где родились, и были простыми рабочими, колхозниками.

Есть два исключения. Мать Марта проживала в большой квартире в одном из лучших домов Тбилиси. А глухонемой сестре Аннете устроили благополучную семейную жизнь. Выдали замуж за инженера коммерческой службы Управления Закавказской железной дороги Ливана Луладзе, который был на 6 лет моложе супруги. Впрочем, даже этих самых близких родных людей Лаврентий не баловал вниманием. Как показала на допросе его мать Марта (жила с дочерью, внучкой и зятем в Тбилиси на улице Саджая, дом 5/7, принадлежавший МВД), «в течение 17 лет после перевода из Тбилиси своего сына Л. П. Берия я видела всего три раза». Надо сказать, что точно также к своим родственникам относился и грузин Иосиф Сталин.

Вахтанг Капитонович Кварацхелия, сын старшего брата Берии Капитона Дмитриевича, писал в 1953 году в следственную комиссию по делу своего дяди:

Несмотря на такое близкое родство, наша семья никогда не имела связи с Л. П. Берия и его семьей. В 1937 году я и моя трехлетняя племянница (дочь сестры) в первый и последний раз за нашу жизнь увидели Л. П. Берия у него дома в Тбилиси. Встреча продолжалась всего несколько минут, причем мне был задан один вопрос: «В каком классе я учусь?»... В 1950 году мой отец в результате несчастного случая после тяжелых мучений скончался. На наши отчаянные призывы о помощи опытным хирургам для операции Л. П.

Берия даже не ответил. Более того, во время похорон моего отца в Сухуми сам Берия тоже находился в Сухуми, но он не только не оказал никакой материальной помощи, но даже не прислал телеграммы с соболезнованием... Вполне естественно, что в нашей семье часто возникали вопросы и недоумения о причинах такого наплевательского отношения к нам со стороны Л. П. Берии. Но они так и остались загадкой.¹

Единственной, кто однажды помог Вахтангу Кварацхелии, была супруга Лаврентия Нина. В 1947 году он тяжело заболел туберкулезом и был по рекомендации Нины Теймуразовны устроен в туберкулезный санаторий, и, «когда процесс стал катастрофически развиваться, мне после операции достали стрептомицин». Впрочем, все эти берущие за душу признания не спасли Вахтанга Кварацхелию от ссылки в Красноярский край.

Павле и Марта Берии жили в Мерхеули обычной крестьянской жизнью. Занимались тем же, чем и другие земледельцы Сухумского округа – выращивали табак, виноград, разводили пчел. Рядом с Мерхеули прекрасные альпийские луга, что способствовало животноводству, особенно молочному. Марта, в отличие от своего мужа, находилась в свойстве с главным мегрельским аристократическим родом – Дадияни. Впрочем, разорившихся дворян в Грузии было так много, что в России и на Кавказе грузин даже дразнили «князьями».

У Павле и Марты формально было трое общих детей, но судьба двоих сложилась трагично. Один мальчик прожил всего два года и, заболев оспой, умер. Стала глухонемой после перенесенного заболевания Анна. Вся надежда оставалась на Лаврентия. Согласно официальной биографии Берии, Павле и Марта очень хотели, чтобы их сын получил образование.

Нико Кварацхелия, местный учитель, обнаружил, что Лаврентий очень способный мальчик: замечательно учится устному счету и русскому языку. И он посоветовал Марте и Павле отдать Лаврентия учиться в Сухуми. Документов той поры не существует, абхазские архивы целиком сгорели во время штурма Сухуми. Но в селе Мерхеули немногие оставшиеся земляки помнят рассказы родителей о детстве Берии, его учителя и о том, каким почетом было окружено село Мерхеули, благодаря его знаменитому выходцу.

Нелли Гвинджилия, жительница села Мерхеули:

С детства Берия учился грамоте. Его воспитатель Нико Кварацхелия рассказывал, что он был способный на учебу, очень способный. Он еще дерзкий был на характер, но на учебу был способный. И три километра в школу он ходил босиком по грязи. Не на что было купить обуви, беднота была. А вот все равно выучился, закончил на «отлично» школу и так дальше пошел учиться. Он был из бедной семьи, и его воспитатель был очень бедный. Очень уважали мы мать Лаврентия Марту, и родственники и соседи очень уважали. Она была отзывчива. Кто к ней обращался за помощью, сколько могла, она помогала всем, до самой своей смерти. К ней обращались. А к Берии не обращались. Говорили, что он не подаст руку помощи никому и всем отказывал. Несколько раз приезжал Берия в Сухуми и в Пицунду, где он на Черном море отдыхал, но ни разу в нашу деревню не приехал. Очень обижался воспитатель, Нико Кварацхелия, что он его не проводывал. Для грузин это позорно. Быть где-то близко и воспитателя, можно сказать родственника, не навестить, не подойти, не спросить «как ты?», «надо ли что»? У этого старика-воспитателя была на него обида. А так, когда отдыхали пионеры со всего Советского Союза у нас на Черном море, то они приезжали на грузовых машинах с песнями, цветами к этому воспитателю прямо домой. И там пели,

¹ В цитатах документов сохранена орфография того времени. – Ред.

выступали, танцевали и уезжали. Вот такой почет был Нико Кварацхелии из-за Берии. У школы памятник Берии стоял, высокий, в полный рост. Нико очень добрый был, он умер, когда ему сто лет было. Я его хорошо помню.

От памятника Берии не осталось и следа. На месте родового дома – поросшие лесом руины. Время стерло почти все следы этого человека на абхазской земле. Впрочем, как мы можем понять из документов и воспоминаний односельчан, сам Лаврентий не испытывал ностальгии по родным местам. И сам будто старался стереть Мерхеули из памяти. Словно и не было того нищего унижительного детства, не было родных и не очень братьев и сестер, не было отца Павле. Отношение к отцу, как покажут последующие события, быть может, одна из ключевых загадок в понимании нашего героя. Он будет еще не раз искать и находить «отцов», а потом предавать и губить их.

А пока Лаврентий навсегда оставил своего родного отца Павле и село Мерхеули, чтобы выучиться и вырваться из нищенской крестьянской жизни.

Сухуми

Подавляющее большинство крестьян в Грузии были безграмотны. Во многом потому что обучение велось на русском языке. Да и школ немного. Единственный выход – это поступить в училище. В духовное, как это сделал Сталин в Гори. Или в высшее начальное в Сухуми (его еще называли – горским). Высшие начальные училища состояли из четырех классов с годичным курсом в каждом. В них принимались дети 10–13 лет, окончившие начальную школу. Выпускники высших начальных училищ обычно поступали в учительские семинарии или технические училища.

Сухуми в начале XX века – модный российский курорт. Роскошный бульвар вдоль моря, клубы, хорошая библиотека, несколько купальных заведений. От пристани отходят пароходы на Батум и в Одессу. Три больших сада, в том числе Ботанический. Именно в то время, когда Берия учится в Сухуми, в Российской империи возник интерес к этой так называемой русской Ривьере. Крым уже освоен, там – летние императорские резиденции. Теперь наступает время Кавказа.

В начале XX века в России появляется многочисленный средний класс. У этих людей нет наследственных имений, они не могут позволить себе частые поездки на заграничные курорты. А Сухуми относительно дешев и привлекает людей, страдающих разными недугами, особенно поздней осенью и зимой. Город бурно строится. Великолепные дома, дачи, виллы, отели, рестораны. Сюда с удовольствием едет русская интеллигенция: врачи, педагоги, инженеры, строители.

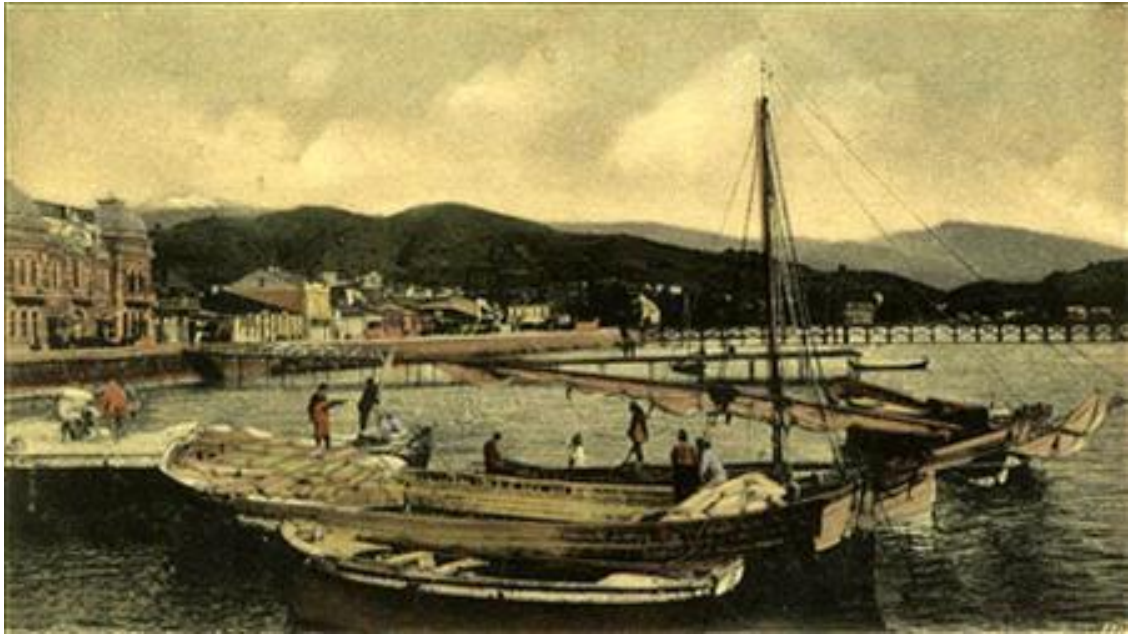
Тогдашний путеводитель пишет: «Привлекая каждый год все больше и больше больных, Сухум тем не менее не отличается благоустройством, улицы довольно грязны, освещение плохое, удобных помещений для больных почти вовсе нет».

Для маленького деревенского мальчика, впервые попавшего в город, важна его многонациональность, как сейчас бы сказали – мультикультурность. В тогдашнем Сухуми живут грузины, абхазы, армяне, греки, русские. Среди портовых рабочих много турок и персов.

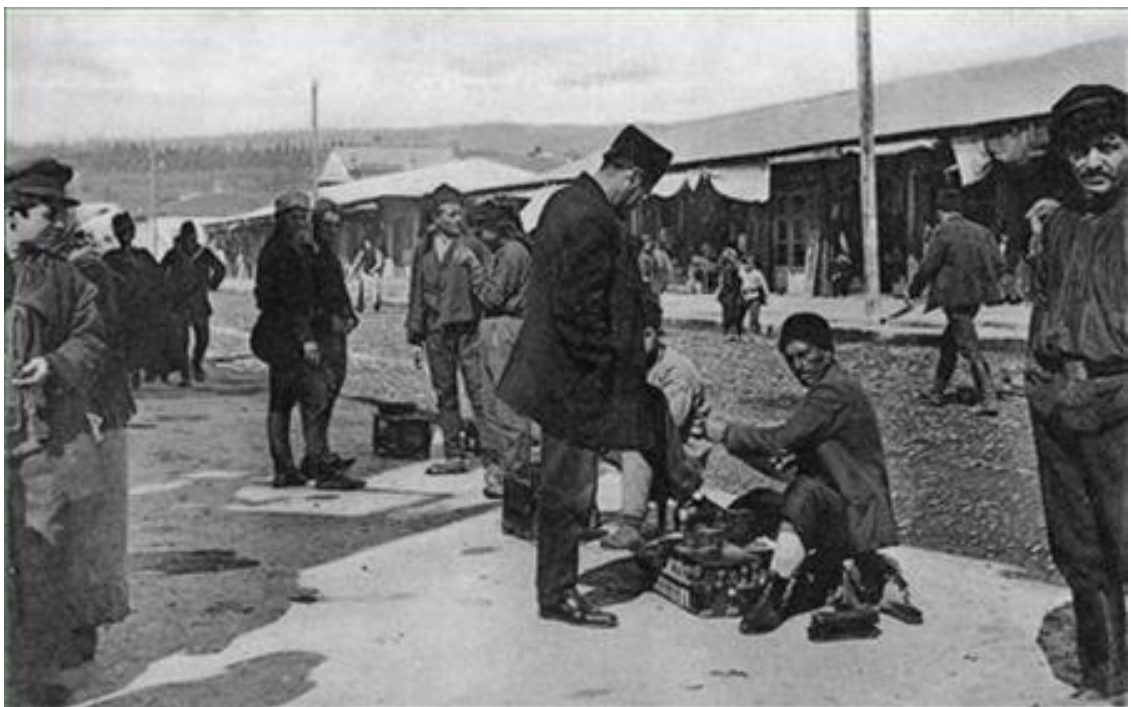
Писатель Фазиль Искандер рассказал нам о том, каким помнит Сухуми во времена его детства:

Сухумчане это люди всех национальностей. Абхазцы, грузины, мингрельцы, армяне. Тогда еще турков было достаточно много. Такие типичные жители южного города с достаточно типичными для них страстями. Кроме работы, конечно, они увлекались застольем. Выпивкой. Компании отличались довольно высоким уровнем интернационального сообщества. В застолье, это насколько я его помню, совершенно не интересовались национальным происхождением человека. Просто, если он им казался интересным, приятным, он был застольцем, и все. Я не помню жалоб на какую-либо нацию.

Берия был толковым мальчиком, но чтобы поступить в городское училище – одних способностей недостаточно. Жизнь в городе стоила дорого, в училище был большой конкурс. Считается, что свою роль в успешном поступлении сыграли родственные связи Марты Берия. Тем не менее, без материальных жертв не обошлось. Согласно книге Серго Берии, Павле и Марте, чтобы содержать сына в Сухуми, пришлось продать половину своего дома.

Сухуми, начало XX века. Вид на Чернявскую гору

Сухуми, начало XX века. Уличные чистильщики сапог

Марта могла зарабатывать на жизнь самостоятельно, она была портнихой и, видимо, умелой. Готовой одежды в магазинах и лавках в те времена практически не было, и бедные и богатые шили наряды из купленной ткани. Например, в Санкт-Петербурге портные-надомники занимали целую улицу – Апраксин переулок.

Здание высшего городского училища находится в центре Сухуми. До Абхазо-грузинской войны это было импозантное трехэтажное строение в стиле модерн. Сейчас – благородные руины.

Документов об успеваемости Лаврентия Берии в Сухумском училище не сохранилось. В Абхазии его по понятным причинам не любят. Любящий сын Серго писал, что отец окончил

училище с отличием. Местный писатель и журналист Виталий Шария интересовался личностью Берии и собирал о нем материал еще в 1980-х годах, когда абхазские архивы не были уничтожены и оставались живы люди, слышавшие о Берии из первых уст. Ему удалось узнать любопытные детали о жизни и личности юного Лаврентия.

Виталий Шария, журналист, писатель:

Я заинтересовался этой темой в годы горбачевской перестройки. Поскольку до этого эта тема была под таким полузапретом. Нигде в прессе об этом не писалось. Люди знали, что Берия родился в селе Мерхеули. Под Сухумом. Учился потом здесь, в школе. Вот это было известно. Что? Как? Где? Это все было покрыто уже мраком неизвестности.

Когда я загорелся идеей написать рассказ именно о том периоде, как формировалась эта личность, то начал искать какие-то достоверные данные. Начал спрашивать у пожилых людей, у наших историков. И мне, например, удалось выйти только на одного человека, который учился в том же самом сухумском городском училище, в котором учился Лаврентий Берия. Не в одном классе, а немножко он был помладше. Кое-что он мне рассказал. И жил у нас писатель Иван Гагуа. Он рассказывал, что его отец учился вместе с Берией. И у Лаврентия было прозвище «головастик». Скорее всего, так и было. Показали мне дом, где жил, якобы, Лаврентий, когда учился в этом училище. Он сохранился. Сейчас по улице Обозинская, 100, одноэтажный домик. О том, каким был он в детстве. Говорят, что играл роль такого сыщика школьного. Причем иногда прятал чьи-то вещи, чтобы потом их найти. Чтобы у него такая слава была – Пинкертона.

Я пошел в Государственный архив Абхазии, который, к сожалению, потом, во время Грузино-абхазской войны, был сожжен. А вот тогда все эти хранились документы. В том числе все классные журналы, где была фамилия Л. Берии. И очень интересно было посмотреть, все эти годы учебы его проследить. Учился он, скажем так, неровно. То есть один раз остался на второй год, в 4-м классе. Ну, это были такие порядки, как я понял, в то время, когда до трети, до четверти класса оставляли на второй год. Так что особо удивительным не было это. А в других классах, уже постарше, у него преобладали «четверки», «пятерки». Еще интересный был такой момент. Я обратил внимание, что в некоторых классных журналах фамилия Л. Берии была тщательно вымарана. Это, видно, уже после 1953 года. Нашлись такие люди, которые считали, что надо это вымарать. Но все это было смешно. Потому что в других журналах он значился. Меня еще насмешила тогда директор этой школы. Я просто поинтересовался у нее – вы знаете, что в этом здании когда-то учился Л. Берия? Знаете, она так была возмущена, перепугана. Нет, ничего подобного я не знаю! Как-будто я пришел с каким-то обвинением в ее адрес.

В этой школе учились самые разные представители тех национальностей, которые тогда жили в Абхазии. То есть было и коренное население абхазское. К тому времени уже много было грузин, мегрелов, к которым относился и Лаврентий Павлович. Армяне, русские. Я бы не сказал, что там был состав из семей привилегированных. Обычно попадались мне какие-то прошения от родителей. В силу бедности семьи, просим что-то...

Среди учителей этого училища, потом он стал директором, был А. М. Чочию. Очень известный в Абхазии человек. Учитель, просветитель, ученый. Который потом был министром просвещения. И уже в советские времена я

слышал, был такой эпизод. Был кто-то у него репрессирован. И он попытался пожаловаться Берии как своему бывшему ученику. Но тот так небрежно ответил, что, мол, хочет этот старик? Но это недокументально. А то, что мне доводилось слышать.

Единственный сохранившийся документ о детстве Берии – фотография сухумского периода. Щуплый, но бойкий мальчик в заливхатски заломленной фуражке, в окружении трех своих сверстников. Даже на фотографии видно, что Лаврентий лидер этой компании. Известно, что с детства он увлекался подвижными играми, не любил художественную литературу, но имел талант к естественным наукам и рисованию.

Также мы знаем, что уже с двенадцати лет Лаврентий подрабатывал репетиторством. Прежде всего, обучал местных «митрофанушек» математике. Курс горского училища соответствовал российским прогимназиям. Но этого образования было достаточно, чтобы поступить на государственную службу. Грамотных, знающих русский язык людей на Кавказе не хватало. Его выпускник мог бы пойти на государственную или частную службу, начать помогать родителям, стать самостоятельным человеком.

Но Берия, и вероятно в этом случае на его стороне была мать, решил продолжить образование дальше. Высших учебных заведений в Закавказье не было, ближайший университет – в Харькове. Чтобы получить высшее образование, необходимо было еще два года проучиться в гимназии или реальном училище. В Сухуми было реальное училище. Но семья Берии выбрала другой путь – более короткий. Как раз в это время в Баку открылось «Алексеевское среднее механико-строительное техническое училище с ремесленной и скульптурно-каменотесной при нем школами и курсами практикантов».

Л. Берия (на фото – в центре, сидит) в горском училище

Сухуми. Здание бывшего горского училища

Специальность, которую мог получить Лаврентий по окончании училища, называлась техник-строитель. Такая квалификация позволяла самостоятельно проектировать и строить практически любые сооружения. В те времена в Российской империи высшее архитектурное образование можно было получить только в Академии художеств и Институте гражданских инженеров в Петербурге или Строгановском училище в Москве. Поэтому техники-строители являлись в современном понимании архитекторами и были невероятно востребованы. Например, в Петербурге техник-строитель Павел Мухомов построил 83 доходных дома. А техник Михаил Андреев – 96. Так что Берия рассчитывал получить престижную и очень денежную специальность.

Баку в это время самый бурно развивающийся город Кавказа, потребность в инженерах и техниках огромная. Такая, что большинство из них составляют иностранцы. Поэтому образование, полученное в училище, практически гарантировало постоянную работу и высокое жалованье. Решение поехать в Баку окончательно раскололо семью Берии. Оставшуюся половину дома пришлось продать. Отец переселился в хибару из дранки, не пожелав покидать родное Мерхеули.

Баку

Мы посетили столицу независимого Азербайджана в 2008 году. Тогда еще и в проекте не значился концертный дворец Baku Crystal Hall, построенный к Евровидению-2012, не были возведены светящиеся огненные небоскребы Flame Towers, и самого высокого флагштока в мире с самым большим знаменем тоже не было. Со стороны моря город казался плоским, ему явно не хватало архитектурных доминант. Таковыми служили разве что многочисленные элитные, но маловыразительные высотки, бурно растущие, как грибы, в разных районах города. Баку напоминал Москву времен Лужкова, город распирало от богатства, но выразиться в чем-то подобном храму Христа Спасителя здешнее изобилие не спешило. Для столицы исламской страны тут совсем немного мечетей, а таких грандиозных современных мусульманских храмов нового времени, какие построены в Казани, Уфе, Грозном, мы не встретили ни одной. Видимо, тем самым подчеркивается светский характер общества и его столицы. Эдакий Стамбул на Каспии, только без его великих мечетей. В бытовом разрезе тоже есть различия со Стамбулом. Например, в Баку очень много доступных чайных заведений, но нелегко найти место, где можно выпить хорошо сваренный кофе. Везде простодушно предлагают растворимый Nescafe. Сами местные предпочитают чай. Современный Азербайджан своей демонстративной светскостью ориентируется скорее на Турцию, чем на соседний Иран. Впрочем, ислам здесь чтут многие, и чтут истово. В часы молитв площадь перед небольшой мечетью в Старом городе густо заполнена верующими.

Теснота и уют Старого города с первых шагов уносят в далекое Средневековье. Сразу за его границами открывается роскошь дворцов и особняков XIX века, времен первого нефтяного бума. И техническое училище, в котором учился Лаврентий Павлович, и бывшее здание ЧК, где он после служил, своей добротной архитектурой легко вписались бы в исторический центр любой европейской столицы.

Из роскошных современных строений поразил ультрамодернистскими формами и размахом Центр Гейдара Алиева. На огромной площади перед ним бьют фонтаны, подземные переходы оборудованы эскалаторами. Культ первого лидера независимого Азербайджана поддерживается также многочисленными рекламными баннерами с портретом Гейдара или его на тот момент президентствующего сына Ильхама. Впрочем, такая по-восточному броская авторитарность лишь добавляет городу своеобразия. Конечно, в адрес высокого начальства в Баку лучше не шутить, местных это настораживает. В остальном бакинцы очень приветливы, гостеприимны и все, стар и млад, охотно говорят по-русски. Город чист, ухожен, переполнен дорогими автомобилями, звенит фонтанами, манит многочисленными кафе и ресторанами, впрочем, цены в Баку кусаются по-московски.

Чтобы своими глазами увидеть источник бакинского богатства, достаточно проехать 9 километров до поселка Балаханы. Вся территория здесь густо утыкана нефтяными качалками. Местами разливаются даже небольшие озера нефти, так что в них можно при желании искупаться или зачерпнуть ведро на память. Мрачноватый индустриальный пейзаж, каменистая безжизненная пустыня, щедро напитанная черной жирной субстанцией, давшей невиданный рост и расцвет Баку.

Сонный приморский городок на Апшеронском полуострове решительно преобразился в 1871 году, когда поблизости пробурили первую нефтяную скважину. Не забудем, что на рубеже XIX–XX веков происходит так называемая вторая научно-техническая революция. Появляются двигатель внутреннего сгорания, теплоходы, автомашины, самолеты, тепловые электростанции. Если раньше нефть использовалась в основном на изготовление керосина для нужд освещения, то теперь в огромных количествах нужны бензин и мазут. В 1899–1901 годах Баку,

дав более половины всей мировой добычи нефти, вывел Россию на первое место в мире, оставив позади США.

Город Баку, как и Сухуми, был многонациональным. Преобладали русские – 76 229 человек, или 36 %, татары кавказские (так тогда именовали азербайджанцев) – 45 972 человек, или 21,3 %, армяне – 41 685 человек, или 19,5 %. А всего в городе жило примерно 250 тысяч человек, и он рос невероятными темпами.

В 1872 году было добыто 1,5 миллиона пудов нефти, в 1900 году город давал уже более половины мировой добычи (661 миллион пудов) и 95 % нефти, добываемой в Российской империи. Выработка керосина в 1873 году составляла 15 000 тонн, а в 1901 году уже 2 500 000 тонн. В 1904 году в России было 150 нефтеперерабатывающих заводов, из них 72 находились в Баку.

Закономерно, что город рос как на дрожжах, привлекая мигрантов не только с Кавказа, но и со всех концов России. У Ротшильдов и Нобелей работало множество специалистов из Западной Европы. Роскошные дворцы Тагиевых, Манташевых, дорогие рестораны, яхт-клубы, особняки в стиле модерн, столичного вида жилые дома соседствовали с так называемым Черным городом, где в ужасающей грязи и бедности жили промысловые рабочие. Баку в начале XX века – беспокойный город.

В ноябре 1904 года в Баку приехал 25-летний большевик Иосиф Сталин. Под его руководством в декабре того же года состоялась грандиозная стачка бакинских рабочих, которая продолжалась с 13 по 31 декабря и закончилась заключением первого в истории рабочего движения России коллективного договора с нефтепромышленниками.

Сталин вспоминал:

Три года революционной работы среди рабочих нефтяной промышленности закалили меня как практического борца и одного из практических местных руководителей... Я впервые узнал, что значит руководить большими массами рабочих. Там, в Баку, я получил, таким образом, второе свое боевое революционное крещение.

Здесь Иосиф Сталин и Сурен Спандарян руководили большевистскими боевиками, «крышевавшими» армянских нефтепромышленников во время знаменитой армяно-татарской резни. Здесь Коба устроил налет на одну из контор нефтепромышленной фирмы братьев Нобель, где украл 50 тысяч рублей. Для этого Сталин договорился с «гочи» (хулиганами), нанятыми фирмой для охраны от террористов. Сталин стоял и за похищением местного миллионера Мусы Нагиева, выпущенного за огромное вознаграждение.

Старый Баку

Авторы в Баку у Каспийского моря

Нефтяной район Балаханы

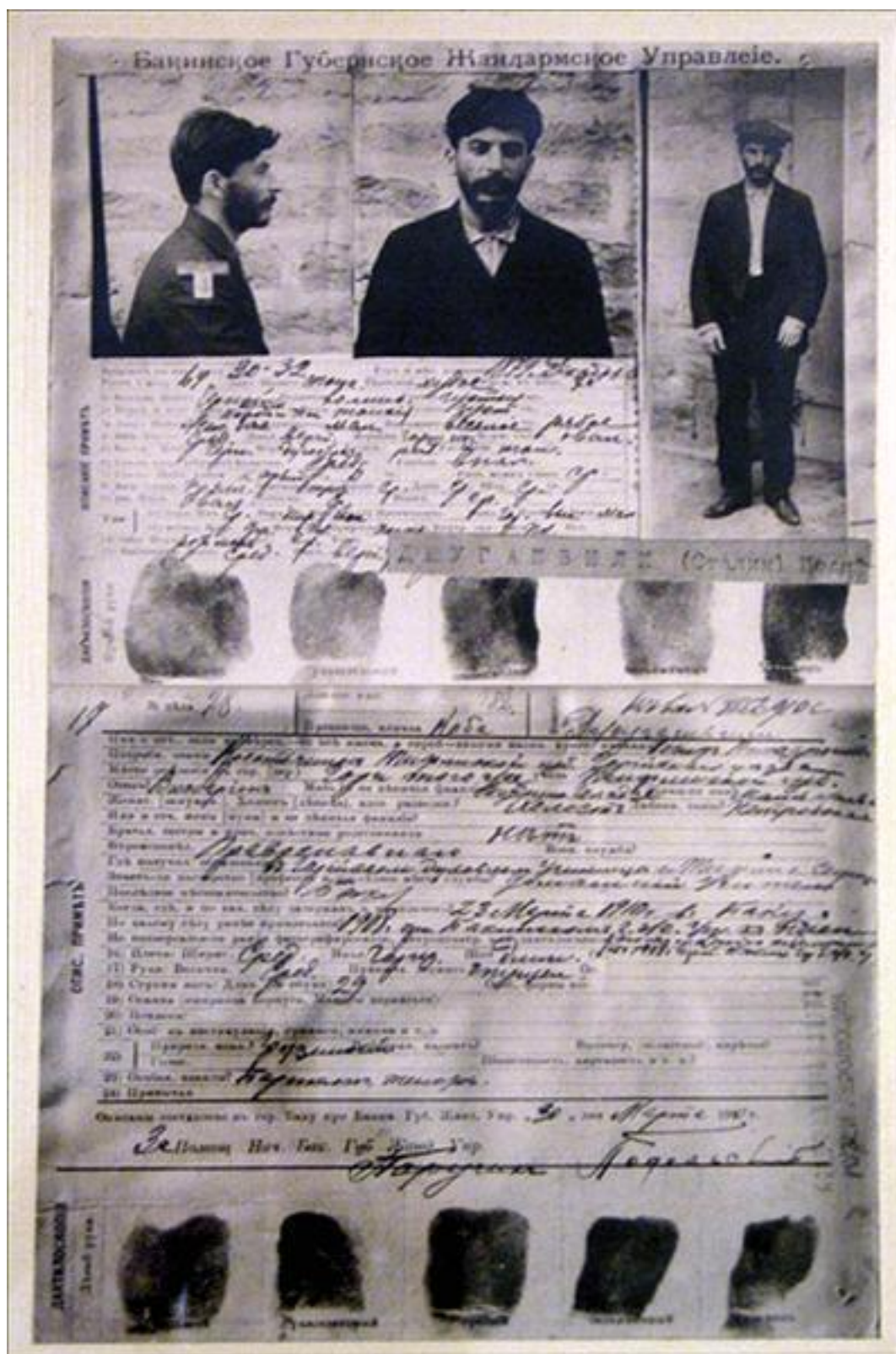
В Баку были сильные подпольные эсеровская и меньшевистская организации – дашнаки и мусаватисты. Действовали «анархисты-коммунисты», «Красная сотня», «Черные вороны», «Террор» и другие террористические группы. Кроме того, богатеющий на глазах город при-

влекал уголовников со всех концов империи. За два года, 1907 и 1908, в Баку было совершено свыше одной тысячи убийств и столько же случаев разбойных нападений.

Именно в бакинских тюрьмах Иосиф Сталин, арестованный под именем Гайоза Нижегородца, закалил свой характер в общении с убийцами и разбойниками. Среди них был знаменитый киллер Мешади Кязым, который пытался убить будущего вождя народов. Когда злодей уже прижал Сталина к стене и собирался нанести удар ножом, его остановил соратник Сталина Расул-заде. Он стал уговаривать киллера, чтобы тот не убивал, предлагал ему денег. Позже Расул-заде вспоминал: «Я привык общаться с политиками, поэтому я впервые в жизни испугался, отговаривал Мешади Кязыма от преступления. У него горели глаза, и пахло от него трупам». В Баиловской тюрьме будущий генсек познакомился и с сыном аптекаря Андреем Вышинским, тогда меньшевистским боевиком, впоследствии Генеральным прокурором СССР.

Заняв пост генерального секретаря, Сталин тщательно скрывал бурные кавказские, особенно бакинские, страницы своей биографии. Лаврентий Берия еще не знает, что именно ему придется переписывать жизнь Сталина на Кавказе. Пока он принят в Бакинское среднее механико-строительное техническое училище, внушительное здание которого до сих пор располагается в центре Баку.

Бакинское среднее механико-строительное техническое училище, куда поступил Лаврентий Берия, было 4-классным. Обучение велось на двух отделениях: механическом и строительном. Общими дисциплинами для обоих отделений были Закон Божий, русский язык, геометрия, тригонометрия, аналитическая геометрия, физика, термодинамика, химия. Из профилирующих предметов, преподававшихся на строительном отделении, – сопротивление материалов, детали машин, паровые котлы, электромеханика, геология физическая и историческая, палеонтология, геодезия, строительное искусство, технология нефти, буровое дело.

Учетная карточка Бакинского жандармского управления на политического преступника Иосифа Джугашвили

На строительном отделении училища изучались также графическая статистика, история архитектуры, архитектурные формы; велись отдельные занятия по частям зданий, производству строительных работ, отоплению и вентиляции, строительству дорог, мостов, гидротехнических сооружений, водопроводов и водостоков.

С 1910 года выпускники строительного отделения училища официально получали право самостоятельного производства строительных работ, что ставило их на одну ступень с архитекторами и гражданскими инженерами.

10 мая 1920 года Бакинское Александровское среднее механико-строительное техническое училище наряду с другими дореволюционными учебными заведениями было ликвидировано декретом Наркомпроса Азербайджанской ССР. В том же самом здании, выросшем в советское время еще на два этажа, появился Азербайджанский индустриальный институт, преобразованный затем в Институт нефти и химии.

Быт Лаврентия Берии того времени нам мало известен. В 1922 году в своей автобиографии Берия писал: «В 1915 г. я переехал в Баку; с этого момента и начинается моя самостоятельная жизнь. Уже с этих пор, учась в техническом училище, я имею на своем обеспечении старуху мать, глухонемую сестру и племянницу 5 лет».

Впрочем, в 1915 году Марте было всего 37 лет и она была вполне трудоспособна. Племянница Сусанна появилась в Баку только в 1921 году, когда Берия уже служил в ЧК. Ее отец Капитон Дмитриевич в это время работал на КВЖД в Маньчжурии, содержал станционный буфет.

Здание бывшего Бакинского технического училища

Берия – студент

Лаврентий был способным студентом, сложностей с учебой у него не возникало. По некоторым сведениям, он подрабатывал почтальоном, разнося письма до занятий в училище. А летом 1916 года Берия уже начал работать по специальности в главной конторе Нобеля в Балаханах. Для студента, только что окончившего 1-й курс, 17-летнего молодого человека – весьма многообещающее начало карьеры. Из всех соучеников Берии широко известен только Борис Ванников, будущий нарком вооружений, правая рука Лаврентия Павловича в атомном проекте. Свой партийный стаж Лаврентий Берия отсчитывает с 1915 года. Вот что он писал об этом в своей автобиографии в 1922 году:

В 1915 г. начинается впервые и мое участие в партийной жизни, тогда еще в зачаточной форме. В октябре этого года нами – группой учащихся Бакинского технического училища – был организован нелегальный марксистский кружок, куда вошли учащиеся из других учебных заведений. Кружок просуществовал до февраля 1917 г. В этом кружке я состоял казначеем. Мотивами создания кружка были: организация учащихся, взаимно материальная поддержка и самообразование в марксистском духе (чтение рефератов), разбор книг, получаемых от рабочих организаций, и прочее. Одновременно был избран старостой своего класса (нелегально).

Интересные новые детали приводил Берия и на допросе 16 июля 1953 года: «В партию вступил в марте 1917 года при следующих обстоятельствах: незадолго до Февральской революции 1917 года в техническом училище была забастовка студентов против педагога Некрасова за то, что он давал неправильные оценки при зачетах и очень плохо относился к учащимся. Вскоре после этой забастовки, уже после Февральской революции, в марте месяце 1917 года, группа учащихся этой забастовки в количестве 3–5 человек, в том числе и я, решили записаться в партию большевиков. Запись проводил учащийся техникума Цуринов-Аванесов. Никаких удостоверений о вступлении в партию не выдавалось».

Что случилось с Цуриновым-Аванесовым и другими товарищами Лаврентия Берии по ячейке техников – неизвестно. На следствие их не вызывали. Для советских руководителей, особенно в 1920-е годы, дореволюционный партийный стаж – огромное карьерное преимущество. Между тем, начиная с 1921 года, о Берии ходили не слишком приятные слухи. И конечно, для их опровержения всякое лыко было бы ему в строку. Но никаких свидетельств его сотоварищей по марксистскому кружку он так и не предъявил. Если бы они были, он непременно ими бы воспользовался. Возможно, что в каком-то кружке, созданном в целях самообразования, Берия был казначеем. Но то, что этот кружок был подпольный, марксистский, вызывает глубокие сомнения. Тому противоречит и поведение Берии в революционном 1917 году. С одной стороны, он утверждает, что организовывал и состоял в бюро большевистской студенческой ячейки. С другой стороны, летом 1917-го уезжает в Одессу, затем Румынию, работая техником-практикантом в гидротехнической организации. А ведь это тот самый момент, когда в Баку вершилась история. Из тюрем и ссылок в город возвращаются большевики, а Степан Шаумян создает одну из самых сильных в стране партийных организаций, которая вскоре возьмет власть и будет известна как Бакинская коммуна.

После Октябрьской революции Азербайджан фактически оказался независимым. Баку контролировал местный Совет, в котором преобладали не большевики, а эсеры. Туда же входили армянские националисты дашнаки и азербайджанские националисты – мусаватисты. В январе 1918 года вернувшийся из Румынии Лаврентий Берия поступил на работу в секретариат Совета техническим работником.

Баку 1918 года необычайно политизированный город. Происходят кровавые столкновения между армянами и азербайджанцами. Затем власть переходит к основанной большевиками и левыми эсерами Бакинской коммуне. Но в августе город оккупируют английские войска, и под их протекторатом создается независимая Азербайджанская Демократическая Республика (АДР) под руководством партии Мусават. Ни о какой политической активности Лаврентия Павловича до прихода англичан нам неизвестно. Между тем, Бакинская коммуна часть будущего коммунистического мифа. Двадцать шесть бакинских комиссаров, убитых белыми, стали большевистскими святыми. Именем Степана Шаумяна называли города, колхозы и улицы. Выжил и сделал блестящую карьеру только один из комиссаров, 27-й, – Анастас Микоян. Чем занимался Берия в эти месяцы – неизвестно. Думается, как обычно, выживал, не хотел рисковать, выбирать стороны. «Что вы делали во время террора?» – «Я оставался жив» – сказал один из самых ярких деятелей Великой Французской революции аббат Сийес.

Надо было работать, содержать мать и сестру. Совета, в секретариате которого прежде служил Берия, больше не было.

В мусаватистской контрразведке

В своей автобиографии Лаврентий Павлович писал: «В первое время турецкой оккупации я работал в Белом городе на заводе „Каспийское товарищество“ в качестве конторщика. Осенью того же 1919 года от партии „Гуммет“ поступаю на службу в контрразведку, где работаю вместе с товарищем Муссеви. Приблизительно в марте 1920 года, после убийства товарища Муссеви, я оставляю работу в контрразведке и непродолжительное время работаю в Бакинской таможене». Одновременно Берия продолжал свои занятия в Техническом училище, которое закончил в 1919 году.

Работа в мусаватистской контрразведке – самый темный эпизод в биографии Лаврентия Берии. Вероятно, устроиться в разведку Берии помог его однокурсник по училищу и сверстник Мирзабала Мамедзаде, член правящей в Азербайджане партии Мусават. В октябре 1919 года он входил в Бакинский комитет этой партии.

На допросе в 1953 году Лаврентий Павлович показал:

Задание получил от одного из руководителей «Гуммет» Мирзадауда Гуссейнова. Контрразведка эта находилась при мусаватистском правительстве и состояла из левых элементов коммунистов и мусаватистов и в начале своей деятельности должна была вести борьбу с белогвардейцами.

Действительно, до начала 1920 года главными врагами независимого Азербайджана были Армения, с которой шла война за Карабах, и Деникин с его лозунгом «Единой и неделимой России».

В «Очерках русской смуты» Деникин писал:

Все в Азербайджанской республике было искусственным, «ненастоящим», начиная с названия, взятого взаимобразно у одной из провинций Персии. Искусственная территория, обнимавшая лезгинские Закаталы, армяно-татарскую Бакинскую и Елисаветпольскую (Гянджа) губернии и русскую Мугань и объединенная турецкой политикой в качестве форпоста пантюкизма на Кавказе.

Азербайджан активно поддерживал так называемую Горскую республику, с которой Белая армия вела непримиримую борьбу.

Правительство Азербайджанской республики заявило представителям союзных держав на Парижской мирной конференции:

«Кроме этих спорных территориальных вопросов (с Грузией и Арменией), имеется еще один, а именно – о судьбе Горской Республики, на независимость которой было неоднократное покушение со стороны Добровольческой армии ген. Деникина. Азербайджанская Республика твердо стоит на той точке зрения, что Горская Республика, в состав которой входят Дагестан, Ингушетия, Чечня, Кабарда, Осетия и т. д. со сплошным мусульманским населением, по праву принципа свободного самоопределения, должна составить самостоятельную государственную единицу, на которую Азербайджан не имеет никаких притязаний».

У большевиков выступить против Бакинского правительства долгое время просто рук не хватало. Ситуация изменилась лишь весной 1920 года, когда красные разбили деникинцев и начали поход на Закавказье.

Мусульманская социал-демократическая партия «Гуммет», которая якобы и послала Берию служить в мусаватистскую контрразведку, – это азербайджанские социал-демократы.

Хотя большевики были категорически против образования партий по национальному признаку, создание единой партийной организации из армян и азербайджанцев сталкивалось с трудностями. Поэтому, помимо большевистской и меньшевистской партий в Баку с 1904 года существовала отдельная мусульманская социал-демократическая организация. В ней сосуществовали как ленинцы, так и сторонники Плеханова и Мартова. «Гуммет» не был запрещен в независимом Азербайджане, те из членов партии, которые не входили в число комиссаров Бакинской коммуны, входили в социалистическую фракцию азербайджанского парламента.

Мирза Давуд Багир оглы Гуссейнов действительно был одним из руководителей «Гуммета». После того как в 1920 году Азербайджан стал частью Советской России, он занимал высокие партийные должности в Баку, Москве, Душанбе (Сталинабаде) и Тбилиси. Но в 1937 году был арестован и расстрелян. Так что свидетельствовать в пользу Берии в 1953 году не мог. Тогда же расстреляли еще одного бывшего представителя «Гуммета» в азербайджанской контрразведке, непосредственного начальника Лаврентия Касума Измайлова. А другие агенты-«двойники» Муссеви и Ошум Алиев – погибли в Баку еще в 1920-м.

Свой уход из разведки осенью 1919 года Берия на допросе объяснил так:

По совету Гуссейнова я подал заявление начальнику контрразведки об увольнении с работы и был уволен беспрепятственно. Истинной причиной моего ухода из контрразведки являлось то, что эта контрразведка стала полностью мусаватистской. При помощи Гуссейнова я поступил на работу в Бакинскую таможню счетным сотрудником. Гуссейнов в то время был вроде директора департамента. Министерство финансов мусаватистского правительства и, как мне кажется, таможня находилась в его ведении.

Есть и несколько иная версия событий, бывший начальник азербайджанской контрразведки Наги Шеймазанов, будучи уже в эмиграции, писал:

Жил Берия в Баку с матерью. Очень нуждался. Берию я принял оперативным работником ОБК по настоянию партии «Гуммет». Двадцатилетний сотрудник отличался работоспособностью и ответственностью... Он не однажды сетовал, что у него только мать – ни отца, ни братьев, и она в бедственном положении. Я назначил его начальником цензурного отдела. Уже тогда он отличался жестокостью и жадой крови. Он не мог никого прощать. Помню, в его отдел попало письмо семнадцатилетнего русского мальчика... Он писал своей матери, что познакомился с большевиками, что они порядочные люди, что он примкнул к ним...

Когда я узнал, что автора письма привели на допрос, пригласил его к себе и посоветовал ему вообще уехать из Баку, прервать связи с большевиками и впредь быть осторожным... Жалко было мальчишку, попавшего под подозрение только по своей наивности и откровенности. В это время зашел Берия и буквально задохнулся от возмущения:

– Вы очень мягкосердечны. Как можно отпускать врага? Его надо расстрелять.

– Послушай, но он же ребенок.

– Это не важно. Он – большевик.

– Лаврентий, я слышал, как ты говоришь своим друзьям, что мечтаешь уехать в Америку и стать гангстером... Наша работа – не гангстерство. Нам нельзя убивать людей...

...В один из дней, незадолго до падения АДР, Берия попросту исчез. Его не было ни на работе, ни дома. Жалостливый сын вдруг уехал из Азербайджана,

оставив свою мать без средств к существованию. Два месяца я посылал его жалованье этой несчастной женщине. При этом нарушал закон, потому что человек, ушедший из организации без предупреждения и разрешения, лишается и места работы, и жалованья...

Думается, при всем богатстве красок история с приговоренным Берией мальчишкой – довольно банальная барбачная завитушка на антисоветских мемуарах. Никакого особого вреда, как и пользы, Берия не приносил и не мог принести. Он занимался прежде всего перлюстрацией писем бакинцев, а результаты докладывал Измайлову. «Муссеви давал задание Измайлову, а через него мне, ознакомливаться с письмами и при надобности ориентировать его, Муссеви, о письмах, заслуживающих внимание». Впрочем, одними письмами деятельность молодого контрразведчика не ограничивалась. Следствие 1953 года документально установило факты участия Лаврентия в более серьезных мероприятиях. Вот отрывок из протокола допроса Берии:

Вам предъявляется одно из дел мусаватистской контрразведки: письмо за № 1095, адресованное «господину приставу 5 участка г. Баку», и в нем сказано: «Прошу произвести обыск совместно с агентом Берия в редакции газеты „Искра“».

Признаете теперь, что являлись активным агентом мусаватистской контрразведки и, в частности, участвовали в обысках?

ОТВЕТ: Признаю, что участвовал в обыске. Об этом раньше не говорил, потому что забыл. Газета «Искра» была революционного направления.

ВОПРОС: Фамилию Фоталеева вы помните?

ОТВЕТ: Сейчас не могу вспомнить, может быть, и знал такого.

ВОПРОС: Вместе с Фоталеевым вы производили обыск не только в редакции, но и в типографии газеты «Искра»?

ОТВЕТ: Может быть. Не помню.

ВОПРОС: Вам предъявляется другое письмо, адресованное приставу 5-го участка Бакинского полицмейстерства. В этом письме вам и агенту Фоталееву поручается произвести обыск в типографии газеты «Искра». Признаете теперь этот факт?

ОТВЕТ: Подтверждаю, что мне предъявлено письмо на имя пристава 5-го участка о производстве мной обыска вместе с Фоталеевым в типографии газеты «Искра». Производил ли я обыск – не помню.

Кроме того, следствие получило показания об активном участии Берии в арестах и допросах коммунистов. Свидетель Г. Тер-Саркисов рассказал в 1953-м:

В 1919 году я работал политкомиссаром особого отряда продармии в г. Киеве. В середине сентября, примерно, меня вызвали в Москву, где в ЦК партии тов. Стасова объявила мне, что я должен ехать на Кавказ для подпольной работы. Вместе со мной в распоряжение подпольного крайкома в Баку из Москвы выехало 25–28 человек. На станции в Баку нас неожиданно арестовали. Всего было арестовано 14 или 15 человек, причем арестовывали работники жандармерии, которые через некоторое время направили нас в контрразведку; она помещалась на набережной Губанова. Ночью этого же дня нас поочередно стали вызывать на допрос. Меня вызвали днем на следующий день. Допрашивал меня Берия (как я узнал впоследствии), который был одет в форму мусаватистской разведки с погонами, и называл он себя заместителем начальника контрразведки. Допрос заключался в том, чтобы установить, кто я, зачем приехал и не дашнак ли я. Берия особо тщательно интересовался –

не являюсь ли я дашнаком. Никакого насилия к нам не было применено, хотя пытались установить – нет ли среди нас большевиков. Держали нас дня три или четыре. Перед освобождением Берия вызвал нас и очень грубо предложил в течение 24 часов оставить Азербайджан. Я уехал в Карабахскую область и больше Берия не видел и ничего о нем не слышал. В 1920 году в Азербайджане установилась советская власть, а в 1921 году я по делам службы был в Баку и встретил Берия в ЧК – он был заместителем Багирова. Как получилось, что бывший контрразведчик мусаватистского правительства Берия попал на работу в органы ЧК, мне было совершенно непонятно.

Ему вторил свидетель М. Предит, добавляя пикантные подробности о взяточничестве агента Берии:

В 1919 г., в августе месяце, из Астрахани была направлена на подпольную работу в Закавказье и в тыл к Деникину группа в составе 10 коммунистов. В эту группу входил и я. В Астрахани нашу отправку готовил Киров. До окрестностей Баку мы добирались на парусных лодках. При высадке на берег часть товарищей задержали местные жители. Среди задержанных был и я. Нас через полицию передали в мусаватистскую контрразведку. Однако там нас раскрыть не смогли и отпустили с обязательством через три дня выехать из пределов Баку. Я и мой товарищ Канделаки в Бакинский подпольный ЦК партии явки не имели, а имели явку к представителю ЦК КП Грузии в Баку тов. Кваталиани. На третьи сутки после освобождения из контрразведки утром при выходе из гостиницы на моих глазах неизвестный тогда мне молодой грузин задержал Канделаки и повел его в город, где была контрразведка. Я тут же поднялся в гостиницу, чтобы забрать свои вещи, но вслед за мной пришел другой агент, задержал меня и отвел в мусаватистскую контрразведку. Там меня арестовали и направили под конвоем в распоряжение английских оккупационных войск в Батуми. Однако по дороге мне удалось сбежать, пользуясь опьяненным состоянием конвоя.

По явке, которую мы успели получить в Баку у Кваталиани, я в Тбилиси встретился с Канделаки, который мне рассказал, что после того, как его в Баку задержал агент мусаватистской и английской контрразведок по имени Берия, он дал ему крупную взятку и был им освобожден и бежал в Грузию. Канделаки в 1920 г. рассказывал об этом и другим нашим товарищам.

В 1921 г. Канделаки работал секретарем Тбилисского комитета партии, и через год он умер. Я же с 1921 г. стал работать в органах ВЧК – ОГПУ Грузии в Тбилиси. В 1923 г. на должность начальника секретно-оперативной части ОГПУ Грузии прибыл Берия, который начал перемещать работников. На должность начальника экономотдела, где я тогда работал, был назначен Куропаткин. В это время я поинтересовался, не был ли Берия в Баку в 1919 г. и не он ли арестовал моего товарища Канделаки. Выяснилось, что Берия Л. П. в это время был в Баку, и он был похож на того молодого грузина, которого я сам видел и который задержал Канделаки. После этого я написал заявление о службе Берии в Баку в мусаватистской контрразведке в 1919 г. и о задержании им нашего подпольщика Канделаки. Куропаткин обещал мое заявление передать председателю Закавказского ГПУ Панкратову, но не передал. Вскоре я разоблачил Куропаткина как вымогателя взяток от семей арестованных. Куропаткин был арестован, и при нем было обнаружено мое заявление о Берии. Таким путем мое заявление попало в руки к Берии, и он вызвал меня к себе.

Во время нашего разговора, в присутствия Новицкого, Берия признал, что он работал в 1919 г. в Баку в мусаватистской контрразведке, но что якобы он это делал по заданию партийной организации. О том, почему же он вымогал и взял взятку от Канделаки, мы тогда с Берией не говорили. Заместитель начальника СОЧ Новицкий предложил мне написать объяснение. Я это сделал, но что с ним стало, не знаю. Через несколько дней Новицкий мне предложил написать рапорт об уходе из органов ОГПУ. Такой рапорт я вынужден был написать, и меня освободили от работы.

Из этих показаний остается странным, почему при разборе заявления Предита разговор о взяточничестве даже не зашел. Видимо, сам автор не был вполне уверен в этом эпизоде или вообще выдумал его гораздо позже. Если агент Берия отпустил большевика Канделаки без всякой взятки, это свидетельствует только в пользу Лаврентия. В любом случае, в результате описанного разбирательства из органов уволили не Берию, а Предита. Добавим, что подобных внутренних расследований службы Лаврентия в азербайджанской разведке было немало.

Например, об этом свидетельствует заявление коммуниста В. М. Познера, написанное в сентябре 1953 года:

В 1919 г. в гор. Баку имел место такой случай: однажды вечером мусаватистской полицией было оцеплено здание центрального рабочего клуба, и все находившиеся там были задержаны. Их стали проверять по одному человеку, при этом одних выпускали, а других задерживали. Последних набралось несколько десятков человек, среди которых оказался и я. Проверку находившихся в клубе и распределение их на первую и вторую группы проводил молодой парень в форменной фуражке ученика Бакинского технического училища... Все задержанные были под конвоем доставлены в контрразведку. Через некоторое время здесь все задержанные были вновь подвергнуты фильтровке: одних выпустили, других задержали. Этой операцией опять руководил тот же «техник». В 1920–1922 гг. я работал в аппарате Азербайджанской КП(б). В ЦК подал заявление секретарь коллегии ЧК Берия, в котором он просил послать его на подпольную работу в меньшевистскую тогда Грузию. Я присутствовал при том, когда Берия подал заявление секретарю ЦК (последним тогда был Григорий Каминский). Берию, секретаря коллегии ЧК, я тогда увидел в лицо впервые и узнал в нем того «техника», который проводил операцию в рабочем клубе и в контрразведке. Я рассказал об этом Каминскому. При наведении справок выяснилось, что «техник» из контрразведки и Берия – это действительно одно и то же лицо. Была выделена тройка членов ЦК... которым было поручено выяснить этот вопрос... Когда рассматривалось заявление Берии, было принято решение об отказе в посылке его на подпольную работу. Вопрос же о работе Берии в мусаватистской контрразведке был оставлен открытым, и комиссия должна была продолжить свою работу. Больше к этому вопросу, насколько помню, в ЦК не возвращались.

Удивляет, что, разбираясь в таком серьезном обвинении, комиссия могла оставить вопрос «открытым». Тем более, в тот момент все свидетели были живы и опросить их не составляло труда. Поэтому более правдоподобным выглядит рассказ об этом эпизоде самого Берии: «В 1920 году в адрес бывшего в то время секретаря ЦК КП(б) Азербайджана Каминского поступило заявление о моем сотрудничестве в контрразведке в пользу мусаватистов. Это заявление было предметом специального разбора на Президиуме ЦК АКП(б), и я был реабилитирован».

Однако слухи продолжали распространяться. По этому же обвинению – «мусаватистский шпион» – Берия судили и в 1953 году.

Обратимся к воспоминаниям Ольги Григорьевны Шатуновской, бывшей политической заключенной, привлеченной Никитой Хрущевым для проведения реабилитации. Берия она всей душой ненавидела. Мемуары ее написаны в 1956-м, события, в них описанные, относятся к 1919 году:

Секретарем Кавказского бюро РСДРП был тогда в Баку старый подпольщик Виктор Нанейшвили, опытный конспиратор. Подпольное бюро находилось в Баку на Телефонной улице, около кирхи.

Однажды в бюро пришли молодые члены партийной ячейки технического училища. Они привели с собой еще одного студента – невзрачного, прыщавого. Неизвестный назвал себя Лаврентием Берией и сказал, что ему нужно увидеться с товарищем Нанейшвили.

Ольга Шатуновская ответила, что секретарь бюро здесь не бывает.

Прошло несколько дней, Шатуновская спросила Нанейшвили:

- Зачем приходил тот человек?
- Он работает в мусаватистской охранке и просит принять его в нашу партию. Обещает давать ценную информацию.
- Но у нас ведь есть уже свои люди в мусаватистской охранке – Муссеви и Ошум Алиев. Мы их туда специально послали.
- Яйца курицу не учат! – закончил этот спор старший.

То есть даже Шатуновская показывает: Виктор Нанейшвили, глава бакинских большевиков, Берия вполне доверял. Проверить этого свидетеля в 1953-м было невозможно. В декабре 1939-го, когда Берия уже возглавлял Наркомат внутренних дел СССР, ректор Всесоюзной торговой академии в Москве В. Нанейшвили был расстрелян.

На допросе 16 июля 1953 года Лаврентий Павлович показал: «Бывший секретарь ЦК Азербайджана Каминский, желая устроить на должность управделами ЦК свою жену, поднял материалы о моей работе в мусаватистской контрразведке. Так как Вирап (Вирап Вирапович Вирап – член РСДРП(б) с 1915 года. – *Авт.*) знал меня по партийной работе примерно с осени 1919 года и ему была известна моя работа в контрразведке, и что в Бакинском комитете знали о моей работе в контрразведке, я и обратился к Вирапу с просьбой выдать мне характеристику о моей работе».

Однако и много лет спустя слухи продолжали ходить. В 1933-м Берия вынужден написать своему многолетнему покровителю Орджоникидзе:

Дорогой Серго!

В Сухуме отдыхает Леван Гогоберидзе. По рассказам т. Лакоба и ряда других товарищей, т. Гогоберидзе распространяет обо мне и вообще о новом закавказском руководстве гнуснейшие вещи. В частности, о моей прошлой работе в мусават[ист]ской контрразведке, утверждает, что партия об этом якобы не знала и не знает.

Между тем, Вам хорошо известно, что в мусават[ист]скую разведку я был послан партией и что вопрос этот разбирался в ЦК АКП(б) в 1920 году в присутствии Вас, т. Стасовой, Каминского, Мирза Давуд Гуссейнова, Нариманова, Саркиса, Рухуллы Ахундова, Буниатзаде и друг. (В 1925 г. я передал Вам официальную выписку о решении ЦК АКП(б) по этому вопросу, которым я был совершенно реабилитирован, т. к. факт моей работы в

контрразведке с ведома партии был подтвержден заявлениями тт. Мирза Давуд Гуссейнова, Касум Измайлова и др.).

Берия не мог лгать Орджоникидзе в глаза. Значит действительно, многие видные бакинские коммунисты публично сняли с него обвинение в предательстве еще в 1920 году. Их тогда еще никто не уничтожал, они входили в состав правящей номенклатуры.

В 1937 году заместитель Орджоникидзе по Наркоматтяжстрою Иван Павлуновский докладывал Сталину о том, что в 1926 году при назначении на пост руководителя Закавказским ГПУ его пригласил к себе председатель ОГПУ Дзержинский и подробно ознакомил с обстановкой в Закавказье.

Тут же т. Дзержинский сообщил мне, что один из моих помощников по Закавказью т. Берия при мусаватистах работал в мусаватистской контрразведке. Пусть это обстоятельство меня ни в какой мере не смущает и не настораживает против т. Берии, так как т. Берия работал в контрразведке с ведома ответственных товарищей закавказцев и что об этом знает он, Дзержинский, и т. Серго Орджоникидзе.

По словам Павлуновского, когда он приехал в Тифлис и встретился с Орджоникидзе, тот сообщил ему, что действительно Берия работал в мусаватистской контрразведке по поручению партии и что об этом хорошо известно Кирову, Микояну и Назаретяну. Далее Павлуновский написал:

Года два тому назад т. Серго как-то в разговоре сказал мне: а знаешь, что правые уклонисты и прочая шушера пытается использовать в борьбе с т. Берией тот факт, что он работал в мусаватистской контрразведке, но из этого у них ничего не выйдет. Я спросил у Серго, а известно ли об этом т. Сталину. Т. Серго Орджоникидзе ответил, что об этом т. Сталину известно и что об этом он т. Сталину говорил.

Здесь странно только одно, зачем Сталину в 1937 году нужно было лишнее подтверждение анкетной чистоты Лаврентия Берии. Тем не менее, 7 октября 1938 года Лаврентий Берия был еще раз вызван к Сталину с этими документами и составленной Берией, при помощи Всеволода Меркулова, объяснительной запиской. Никаких последствий этот вызов для Берии не имел.

В результате у следствия в 1953-м не было никаких доказательств шпионажа Берии в пользу Азербайджана и Англии. Все обнаруженные свидетели хаяли Берию, но как-то неубедительно.

Надо сказать, что Лаврентий Павлович на всякий случай держал документы о событиях 1919–1920 годов в своем личном сейфе. Ближайший помощник Берии Меркулов показал в 1953 году, что где-то между 1932–1934 годами тогда уже Первый секретарь компартии Грузии Лаврентий Берия отправил его в Баку, в тамошние архивы, и он перевез дела, связанные с Берией в Тбилиси. «Меня вызвал Берия и сказал, – показывал Всеволод Меркулов, – что о нем распространяют враги слухи, якобы он работал в 1919–1920 гг. в Баку в мусаватистской контрразведке. При этом Берия указал на то, что враги его могут изъять документы из архива и тогда ему нечем будет защищаться... Эти две папки с документами я привез Берии, он их посмотрел и остался ими доволен. Документы, вшитые в папки, Берия положил в свой сейф». Лаврентий понимал: несмотря на то, что он реабилитирован, слухи все равно будут.

Невиновность Берии перед большевиками доказывают и последующие события. После того как 11-я армия вошла в Баку и была провозглашена Азербайджанская Советская Социалистическая Республика, Лаврентий Берия потерял работу на таможне. При этом он перешел из технического училища в организованный на его же базе Бакинский политехнический

институт, не оставляя надежды получить диплом инженера. Однако в том же 1920 году его мобилизовали красные. В 11-й армии, как и в других армиях РККА, существовал Регистрационный отдел, говоря нынешним языком, – военная разведка. В мае 1920 года Берия поступает на работу в Регистрод Кавказского фронта. Очевидно, устроиться в секретную службу помогли серьезные рекомендации и опыт разведчика. Помогло и то, что местных кадров для дальнейшего установления советской власти здесь почти не было: армяне-коммунисты разбежались после погромов, руководство большевиков погибло во время расправы с бакинскими комиссарами. Грамотных коммунистов осталось мало, брали любого, кто хоть что-то умел. По словам Лаврентия Берии: «С первых же дней после Апрельского переворота в Азербайджане краевым комитетом компартии (большевиков) от Регистрода 11-го Кавказского фронта при РВС 11-й армии командируюсь в Грузию для подпольной зарубежной работы в качестве уполномоченного». С этого момента чекистская карьера Берии шла только по восходящей. При том, что о службе Лаврентия в мусаватистской контрразведке было хорошо известно.

Впрочем, стоит прислушаться к аргументам Иосифа Нечаева, резидента Разведуправления Кавказского фронта. В письме Георгию Маленкову 10 июля 1953 года Нечаев писал:

Должен сказать, что прием в число работников в Регистроде 11-й армии не был строго критическим и мог быть еще более простым для человека грузинской национальности, на которых был у наших органов большой «спрос».

Почему был такой спрос на грузинов-разведчиков – легко объяснимо. Главной потенциальной задачей 11-й армии были захват и советизация остававшихся еще независимыми Грузии и Армении. Присоединение этих республик должно было происходить по хорошо отработанной большевиками схеме: организация силами местных большевиков восстания. Создание революционного комитета (Ревкома), представляющего якобы волю рабочих и крестьян и обращение Ревкома за помощью к Красной армии.

В Грузии коммунистическая партия была легализована, но при этом активно проводилась хорошо организованная подпольная подрывная работа, которой руководил Амаяк Назаретян, в прошлом красный командир. В автобиографии Берия так описывает свою новую грузинскую деятельность:

В Тифлисе я раскидываю сеть резидентов в Грузии и Армении, устанавливаю связь со штабами грузинской армии и гвардии, регулярно посылаю курьеров в Регистрод города Баку.

Видимо, тут Берия сильно преувеличивает значение своей грузинской миссии. На допросе в 1953 году он показал:

Я никогда не заявлял, что по линии Регистрода 11-й армии имел задание связываться с подпольными партийными организациями. Но я имел при выезде в Тифлис первый раз задание передать пакет нелегальному ЦК – Назаретяну. Это и было мною выполнено. Задание мне было дано Микояном А. И.

Назаретяна к тому времени было уже не допросить, т. к. он был расстрелян в 1937 году. А Микоян эти показания не отрицал. На июльском пленуме 1953 года он заявил: «Я впервые встретился с Берией в 1920 году в Баку после установления Советской власти, когда он был подобран Бакинским комитетом партии для посылки в Грузию в качестве курьера для секретного письма. До этого я его не знал».

Тогда же случилось первое задержание Берии грузинскими меньшевиками. На допросе в 1953 году он показал: «В 1920 году в Тифлисе был задержан в здании ЦК большевиков, куда был вызван Назаретяном. Особый отряд меньшевистский еще до моего прихода оцепил здание

ЦК. Вход туда был свободным, а выход – нет. Всех нас задержали в этом здании около суток, а затем всех освободили. Части из задержанных предложили покинуть Тифлис».

В это время резко поменялась внешнеполитическая ситуация в Советской России. Началась война с Польшей. Поэтому с советизацией Грузии решили не торопиться. 7 мая 1920 года был заключен мирный договор между РСФСР и Грузией, по которому грузинская коммунистическая партия окончательно легализовывалась, а Россия признавала независимость Грузии. В Тбилиси появилось советское посольство во главе с Сергеем Кировым. Берия возвращается в Азербайджан, получает новые директивы. Теперь он отправляется в Грузию в качестве курьера. И уже на границе становится причиной международного скандала.

Берию задерживают грузинские пограничники, обыскивают и находят при нем секретное удостоверение на шелку о том, что он сотрудник Регистра 11-й армии. На удостоверении подпись начальника Регистра Пунке. Эта история известна со слов бывшего резидента Разведуправления Кавказского фронта Иосифа Нечаева. Нечаев считал это происшествие на границе крайне подозрительным: «Материалы об аресте Берии появились в грузинских газетах. Это было актом политической диверсии, рассчитанной на компрометацию Советской России, которая, только недавно установив дипломатические отношения с правительством Грузии, одновременно ведет против него подрывную работу, засылая в Грузию своих военных агентов. Учитывая, что других подобных случаев широкого оповещения поимки советского агента тогда не было, хотя фактически в руки грузинской разведки попадали наши товарищи, можно с основанием предположить, что все это имело явно преднамеренный характер. И в этом случае такая полная расшифровка могла иметь место только со „своим“ для меньшевистской разведки человеком».

После ареста Берия попал в Кутаисскую тюрьму. Но пробыл он там недолго. Все же Лаврентий числился советским дипломатическим сотрудником. В Кутаиси Берия, по его словам, принял участие в голодовке протеста, что опровергалось показаниями других заключенных коммунистов. В 1953 году Берия уверял, что в голодовке он участвовал активно, но до окончания ее он заболел, и его перевели в тюремную больницу.

Грузия не хотела портить отношения с могущественной Россией и в конце концов Лаврентий Павлович был освобожден и выслан обратно в Азербайджан. Любопытно, что по прибытии в Баку органы военной разведки он покинул навсегда. Однако очевидно, что сомнительные итоги деятельности разведчика Берии за кордоном никак не подорвали его репутацию. Он тут же устроился на важный пост управляющего делами ЦК Азербайджана. Впрочем, тогда же, в 1920 году, Берия был задержан Азербайджанской ЧК, но провел в тюрьме только несколько часов, выйдя по ходатайству видного большевика Вано Стурua. Причины ареста не ясны, Берия объяснял его случайностью, сказав, что чекисты перед ним извинились.

Удержаться долго на работе в ЦК Берии не удалось. Как сетовал Лаврентий Павлович на допросе, секретарь Азербайджанской компартии Георгий Каминский желал освободить это место для своей супруги и подселел его. В результате Берия назначен был ответственным секретарем Чрезвычайной комиссии по экспроприации буржуазии и улучшению быта рабочих. Подобные комиссии были созданы во всех крупных городах бывшей Российской империи и призваны были заниматься «уплотнением» – т. е. переселять трудящихся в буржуазные квартиры. Как писал Берия в автобиографии, эту работу он и председатель комиссии проводили в ударном порядке.

Все эти кратковременные случайные работы скорее всего не были связаны с идеологическими убеждениями 22-летнего Лаврентия Берии. Он с завистью смотрел, как его бывшие соученики продолжали высшее образование в Бакинском политехе. Ему это было труднее других. На руках – трое иждивенцев.

В результате Берия добивается материальной помощи от Азербайджанского ЦК. В своей автобиографии он писал:

С окончанием работы в Комиссии мне удастся упросить Центральный Комитет дать возможность продолжать образование в институте, где к тому времени я числился студентом (со дня его открытия в 1920 г.). Согласно моим просьбам, ЦК меня посылает в институт, дав стипендию через Бакинский Совет.

Однако на студенческой скамье Берия не задержался. Время диктовало иные дела и резоны, а Лаврентий всегда чувствовал, куда дует ветер перемен.

Азербайджанский чекист

В апреле 1921 года партия отзывает Берию из института и дает новую работу, на этот раз в ЧК Азербайджана. Ленинская партия – структура с железной дисциплиной. Отказ от выполнения приказа автоматически означает изгнание из партийных рядов и обрекает на социальную изоляцию. Тем более – на дворе НЭП. Резко сокращаются государственный аппарат и армия. Стремительно растет безработица и больше всего среди госслужащих. Партийный билет уже не гарантирует трудоустройства. Печальный герой того времени – бывший красный комиссар-орденоносец, униженно торгующий на улице папиросами.

Но и высшее инженерное образование также не гарантирует сытую жизнь. Промышленность и нефтяные промыслы в полуразрушенном состоянии, на восстановление денег в казне нет, западных инвестиций тоже не предвидится. Сельское хозяйство, которое всегда было главным источником внутренних инвестиций, разорено политикой военного коммунизма. В стране голод. В нефтехимии, добывающих отраслях правительство предпочитает опираться на старых опытных инженеров, так называемых буржуазных спецов. Студенчество влачит нищенское существование. В это тяжелое время главное не попасть на обочину жизни.

Мир Джафар Багиров, глава Азербайджанского ЧК

Работа в Азербайджанской ЧК сулит заманчивые карьерные перспективы. Даже человеку с улицы здесь есть шанс выдвинуться. ЧК Азербайджана существует меньше года, но за это время сменилось уже четыре начальника. 10 февраля 1921 года председателем ЧК Азербайджанской ССР становится Мир Джафар Багиров. Он всего на три года старше Лаврентия

Берии. Их биографии тесно переплетутся до конца дней: будут в них одновременные и взлет, и падение. Это единственные руководители союзных республик, которые не попадут в жернова большого террора.

Багиров, в отличие от Берии, провел Гражданскую войну в рядах Красной армии, где обратил на себя внимание исполнительностью и особой жестокостью. Есть свидетельства, что при подавлении Астраханского восстания эсеров в 1919 году он лично расстреливал из револьвера пленных мальчишек-гимназистов. Именно такой человек нужен был во главе Азербайджанского ЧК. Председателем ЧК он был назначен, несомненно, по предложению Сергея Кирова, руководившего подавлением Астраханского восстания, а затем возглавившего компартию Азербайджана.

В 1921 году Азербайджан объят крестьянскими мятежами. Только что подавлено анти-советское восстание в Гяндже. Партизанские отряды противников советской власти действуют сразу в нескольких уездах. Как всегда, неспокойно в Карабахе. ЧК – карающий меч революции, не знающий жалости; закрытый, внушающий трепет орден. Ни Багиров, ни Берия не являются старыми идейными коммунистами. Оба они стали большевиками после установления советской власти. Им легко понимать друг друга, они схожи и по возрасту, и по психотипу.

ЦК Азербайджанской компартии назначает Лаврентия Берия заместителем начальника секретно-оперативного отдела. Этот отдел в чекистской структуре, можно сказать, самый главный. Здесь не следователи и не каратели, а те, кто вербуют агентуру, собирают и анализируют информацию об идейных противниках советской власти. Секретно-оперативная часть – мозг ЧК.

Среди сотрудников Берия не мог не выделяться своей трудоспособностью, тщеславием и относительной образованностью. Вскоре Лаврентий становится начальником секретно-оперативного отдела, заместителем председателя Азербайджанской ЧК.

Уже в декабре 1921 года на заседании Центральной комиссии по проверке, пересмотру и очистке личного состава Азербайджанской ЧК Багиров заявил: Берия «строг, требовательный, во время экспроприации выказывал стойкость, не давал никому поблажек, прямой, искренний, сам требовательный, и любит, чтобы с него тоже требовали».

Отзыв Багирова, впрочем, отличается от мнений некоторых других чекистов, которые уличали Берия в приставании к сотрудницам аппарата ЧК и присвоении бриллиантового кольца, изъятого на обыске. Берия в ответ на обвинения позже пояснил: «Это были интриги Шахбазова и его семьи, в то время работавшего начальником административного управления ЧК».

Первый успех

В 1921–1922 годах советская власть предпринимает мощное наступление на остатки эсеровского и меньшевистского подполья. В ходе Гражданской войны большинство населения России предпочло белым – красным. И крестьяне, и матросы, и рабочие были «виноваты» перед старой властью – и царской и Временного правительства. Возвращение прежнего начальства означало бы неминуемые репрессии. После окончания открытого противостояния с монархистами и капиталистами поддержка большевиков значительно ослабла. Крестьянские восстания, Кронштадтский мятеж, забастовки в Москве и Петрограде показали – рабочие, крестьяне, красноармейцы и краснофлотцы советской властью недовольны, они были готовы мириться с ней как с меньшим злом, пока шла война. Теперь бояться было некого, а безраздельное «комиссародержавие» – надоело.

Меньшевики и эсеры считали, что могут использовать это недовольство, возглавить его. К тому же, при переходе к НЭПу у антисоветского движения могла появиться экономическая база. Однако в Кремле и на Лубянке думали иначе. Как раз тогда Николай Бухарин с присущим ему зловещим юмором сформулировал основной принцип политики коммунистов: «У нас только две партии: одна в Кремле, другая в тюрьме».

Наступление начинается репрессиями против «правых» эсеров. Летом 1922 года в Москве проходит громкий политический процесс, где их обвиняют в убийстве Урицкого и Володарского, покушении на Ленина. Процесс заканчивается двенадцатью приговорами к смертной казни. Впрочем, из-за резко негативной реакции зарубежной общественности, включая коммунистов, протестов Ромена Роллана, Максима Горького, расстрелы были «отсрочены».

Главная задача, поставленная ГПУ (так переименовали ЧК в 1922 году) в Азербайджане, заключалась в ликвидации Закавказской организации эсеров, особенно сильных в Баку. Эсеровская ячейка не была разгромлена жандармами даже во времена Столыпина. Теперь этим делом занялись чекисты и лично Берия.

1, 7, 9, 10 и 16 апреля 1922 года на Сурханских нефтяных промыслах (под Баку) произошли возгорания бездействующих нефтяных вышек. По подозрению в поджоге арестовали рабочего Михаила Голомазова. Ни в каких партиях он не состоял, но в рабочем движении до революции, видимо, участвовал. Голомазов был знаком с эсером Федором Плетневым.

В итоге чекисты разработали следующую версию: этот самый Плетнев, выполняя указания другого эсера Михаила Зайцева, убедил Голомазова совершить диверсию. Зайцев же получил приказ от члена Оргбюро Бакинского комитета партии социалистов-революционеров Ольги Сухоруковой-Спектор. В начале апреля 1922 года она передала Зайцеву сообщение о предстоящих арестах эсеров и «директиву Бакинского комитета ПСР организовать поджог Сурханских нефтяных промыслов» в ответ на эти аресты. Зайцев «передал эту директиву Ф. Плетневу, тот – М. Голомазову». После ареста Плетнева 7 апреля Голомазов 9 апреля поджег бездействующую буровую в Раманах, был арестован, а 10 и 16 апреля загорелись еще три вышки.

Всего арестовали и предали суду 32 человека. Обвиняли эсеров не только в поджогах, но и в антисоветской деятельности, даже в сотрудничестве с англичанами при казни 26 бакинских комиссаров.

Впрочем, убедительная доказательная база не складывалась. Время пыток еще не наступило. Секретно-политический отдел ГПУ во главе с Берией старался как мог. Одним из немногих вещественных доказательств была эффектная фотография Ольги Сухоруковой-Спектор на фоне горящей нефтяной вышки. Происхождение фотографии неизвестно. По версии следствия, преступница, подобно Герострату, гордилась своим злодеянием настолько, что запе-

чатлелась на его фоне в момент преступления. Понятно, что такое вещественное доказательство не могло не вызывать у профессиональных юристов скепсиса и сарказма. Еще сложнее для следствия было объяснить, как загорелись вышки после ареста «поджигателя» Голомазова органами ГПУ. Кроме того, только он один «признал свою вину полностью», Плетнев и Зайцев «частично», остальные заявляли о невинности и фальсификации следствия.

Власть пребывала в некотором смущении. Киров, возглавлявший Азербайджан, 6 июля телеграфировал в Москву:

Дело закавказских эсеров еще не слушалось. Задерживалось необходимостью добиться признания членов Бакинской организации в поджоге нефтяных промыслов. Сейчас сознались в этом два члена партии эсеров. Сейчас работаем по организации процесса. Создали чрезвычайный трибунал. Задержка за обвинителем, которого не можем найти. Эсеры организуют хорошую защиту, которая будет подражать Муравьеву, компании. Начале процесса сообщим.

Председатель Политического Красного Креста, известный адвокат Николай Муравьев, возглавлял защиту правых эсеров на московском процессе правых эсеров в 1922 году. И создал тогда для обвинителя Николая Крыленко очень серьезные проблемы.

Бакинский процесс должен был стать образцово-показательным. Еще 15 сентября 1922 года комиссия при Агитпропе ЦК РКП(б) в смешанном «партийно-чекистском составе» (К. Б. Радек, А. С. Бубнов, Н. Н. Попов, В. Р. Менжинский, Т. Д. Дерибас), обсудив вопрос «О постановке новых процессов», вынесла резолюцию: «Признать постановку процессов принципиально целесообразной; поручить ГПУ представить к следующему заседанию комиссии свои соображения по отдельным делам».

Процессу предшествовала масштабная политическая подготовка. На нефтепромыслах и фабриках проводились митинги. Поддержать обвинение из Москвы прибыл заместитель Ленина Алексей Рыков. В отличие от московского процесса, Бакинский решено было сделать фактически закрытым. Ход суда власти не интересовал, приговоры были утверждены заранее.

7 декабря 1922 года из Баку за подписями Кирова, главного обвинителя Васильева, председателя трибунала Полуяна была прислана в Москву и передана в Политбюро на голосование телеграмма следующего содержания:

Начавшийся утром 1-го декабря процесс с.р. заканчивается. Приговор будет 9-го утром. Из 32 обвиняемых высшая мера наказания без какой бы то ни было замены намечается следующим: ГОЛОМАЗОВУ – непосредственному поджигателю, ПЛЕТНЕВУ, ЗАЙЦЕВУ и САМОРОДОВУ – бывшим членам Комитета, давшим директиву о поджоге, ОСИНЦЕВУ – члену областного Комитета, имевшему тесную связь с врангелевцами, КЛЕШАПОВУ – совслужащему, снабжавшему организации оружием, деньгами, документами, КАРАШАРЛИ – бывшему ЗамНачГлавмилиции, снабжавшему организации документами, деньгами, использовавшему советский аппарат в контрреволюционных целях, ИВАНОВУ – белогвардейцу. Пятерым – оправдание. Четверых – условному заключению. ТАРХАНОВУ, СПЕКТОРУ – членам областного Кта – по три года. СУНДУК'ЯНЦ – один год с зачетом предварительного заключения. Остальные – к разным срокам максимум на пять лет. Замену высшей меры наказания считаем совершенно невозможной, особенно в силу последних событий: пожар станции Насосны, главных мастерских, крушение поездов. Приговор должен войти в силу через 48 часов после вынесения.

«За» проголосовали Сталин, Молотов, Троцкий и Ленин. Процесс проходил с 1 по 9 декабря и напоминал театрализованное представление. Обвиняемых везли по городу под усиленным конвоем красных кавалеристов с шашками наголо. Скамью подсудимых окружала вооруженная охрана, дабы показать особую опасность преступников. Зал был наполнен специально подобранными людьми, которые встречали показания обвиняемых свистом и гневными выкриками. Подсудимым не разрешалось общаться с заключенными по другим процессам.

Большинство подсудимых решительно отрицали свою вину, утверждали, что следствие фальсифицировало факты. Эпизод с поджогом доказать удалось не полностью, что признал даже обвинитель Васильев. Как и было предложено азербайджанским руководством, обвинитель потребовал расстрелять шесть человек – трех исполнителей и трех морально ответственных. И все же обвинительное заключение выглядело так неубедительно, что суд признал вину трех «морально ответственных в принятии решения о поджоге промысла» недоказанной и расстрел заменил на тюремное заключение.

Бакинский процесс даже на фоне других политических дел 1920-х годов представлял грубой инсценировкой и скорее напоминал показательные суды времен «большого террора». Вероятно поэтому вплоть до 1928 года («шахтинское дело») постановочные процессы, подобные Московскому и Бакинскому, более не практиковались.

Однако старания чекистов были оценены высоко. Итогом трудов Берии стало награждение его золотыми часами с монограммой и денежной премией в сумме 500 миллионов рублей. Обосновал эту награду Багиров так: «Умелое руководство блестяще выполненного в государственном масштабе дела по ликвидации Закавказской организации партии эсеров, положившего все свои силы, энергию на выполнение столь серьезной задачи на внутреннем фронте». А Феликс Дзержинский 6 февраля 1923 года издал приказ о награждении Лаврентия Берии револьвером браунинг «за энергичное и умелое проведение ликвидации Закавказской организации партии социалистов-революционеров». Участвовал Берия и в разгроме сторонников мусульманской партии «Итихат». Молодой чекист не только удержался на весьма высоких должностях, но добился значительных успехов. Казалось бы, карьера и судьба Берии предрешена. Но у Лаврентия были собственные планы на будущее.

Между ГПУ и институтом

Если Красная армия с окончанием Гражданской войны теряла свое прежнее значение и престиж, то роль ГПУ только возрастала. Всех представителей оппозиционных политических партий, даже «разоружившихся», следовало арестовывать. Правых – монархистов, участников белого движения – расстреливать. А левых – социалистов, эсеров, меньшевиков, анархистов – отправлять в ссылку и в концлагерь на Соловки. Борьба за единомыслие и диктат одной партии будут вестись еще не одно десятилетие, и у чекистов всегда будет много работы. Ответственный сотрудник секретной службы обладал немалой властью и влиянием.

На всех местах работы Берия создавал вокруг себя окружение лично преданных ему людей, которых потом не забывал и способствовал их продвижению по службе. Багиров, который в Баку руководил Берией, со временем фактически станет его подчиненным. Лаврентий Павлович составит ему протекцию при назначении его главой Азербайджана, а затем и избранию в высший партийный орган – Президиум ЦК КПСС. Еще один человек из Баку, прошедший с Берией несколько десятков лет, Ювельян Сумбатов-Топуридзе, занимавшийся руководством азербайджанской агентурой, станет начальником хозяйственного управления НКВД СССР, а под закат карьеры заместителем Председателя Совета министров Азербайджанской ССР.

В декабре 1922 года Берия покидает Азербайджан. Его назначают начальником секретно-оперативной части и заместителем председателя ЧК Грузии. Переезд на родину был тем более кстати, что в 1922 году Лаврентий Павлович женился на Нине Теймуразовне Гегечкори. Семья Гегечкори старинного, но обедневшего дворянского рода. Нина родилась в 1905 году, она на шесть лет моложе Лаврентия, рано лишилась отца, ее воспитывал сначала сводный брат-бухгалтер. А в 1921 году Нину взял на воспитание двоюродный брат – Александр Гегечкори – большевик, министр внутренних дел Грузии. В своих показаниях в 1953 году Нина Берия сообщала: «В 1922 году, когда я училась в 7 классе, я познакомилась с Берией Л. П., который приехал из Баку по служебным делам. Берии я до этого не знала и познакомилась с ним через своего родственника Биркая Давида, который был сын железнодорожника, у которого, как говорил Берия, он скрывался во время своей работы в подполье». Есть и другая, романтическая версия знакомства, изложенная сыном Лаврентия Серго: «Отец сидел в одной камере Кутаисской тюрьмы вместе с Сашей Гегечкори. Моя мама навещала дядю. Так и познакомилась».

В начале 1990-х Нина Теймуразовна так рассказывала об этом тюремном эпизоде:

Жили мы тогда в Кутаиси, где я училась в начальной женской школе. За участие в революционной деятельности Саша часто сидел в тюрьме, и его жена Вера ходила встречаться с ним. Я была еще маленькая, мне все было интересно, и я всегда бегала с Верой в тюрьму на эти свидания. Между прочим, тогда с заключенными обращались хорошо. Я не сказала, естественно, что мой будущий муж сидел в одной камере вместе с Сашей, откуда я могла его знать. А он, оказывается, запомнил меня.

Хотя Нина была сиротой без средств, но по своему происхождению Лаврентий был ей неровня. Из знатного рода Гегечкори вышло немало известных в Грузии людей. Например, один из родственников, Евгений Гегечкори, был министром иностранных дел независимой Грузии, потом он эмигрировал. Поэтому появление такого ухажера, как Лаврентий, несмотря на его высокую чекистскую должность, не вызвало у родственников Нины восторга.

Нина Гегечкори. Жена Лаврентия Берии

Алексей Гегечкори (Саша), двоюродный брат Нины Гегечкори, большевик, в 1922–1923 гг. министр внутренних дел Грузии

Среди семейных преданий семьи Гегечкори есть забавная история, которую нам рассказал в Тбилиси правнук Алексея Гегечкори Шавлег Гегечкори:

Нина Гегечкори была племянницей моего прадеда, она приехала в Тбилиси из Мартвили и жила у своего дяди, достаточно в хороших условиях, так как он был народным комиссаром. И однажды, когда они с Берией уже были влюблены, он довольно поздно проводил ее домой. Дверь им открыла жена Саши Гегечкори Вера Эрнестовна Глокер. И она, рассердившись, что он

так поздно задержался с Ниной, а у нее болела нога и она ходила с тростью, вот эту трость она сломала об спину Лаврентия Берии. Самое удивительное то, что никаких плохих последствий из-за этого случая не было. Наоборот, Берия очень любил Веру Эрнестовну, и у нас даже есть дома книга, это известная книга «История большевистских организаций в Закавказье», она и после 50-х годов сохранилась в достаточно хорошем состоянии, и на ней стоит дарственная надпись, сделанная карандашом: «Дорогой Вере от Лаврентия».

Нина Теймуразовна рассказывала о причинах своего замужества довольно прозаически:

К тому времени я была уже взрослой женщиной, отношения с матерью (имеется в виду приемная мать – жена Саши Вера. – Ред.) у меня не сложились. Помню, у меня была единственная пара хороших туфель, но Вера не разрешала мне их надевать каждый день, чтобы они подольше носились. Так что в школу я ходила в старых обносках, старалась не ходить по людным улицам – так было стыдно своей бедной одежды... Однажды по дороге в школу меня встретил Лаврентий. После установления советской власти в Грузии он часто ходил к Саше, и я его уже неплохо знала. Он начал приставать ко мне с разговором и сказал: «Хочешь не хочешь, но мы обязательно должны встретиться и поговорить». Я согласилась, и позже мы встретились в тбилисском парке Недзаладеви. В том районе жили моя сестра и зять, и я хорошо знала парк. Сели мы на скамеечку. На Лаврентии было черное пальто и студенческая фуражка. Он сказал, что уже давно наблюдает за мной и что я ему очень нравлюсь. А потом сказал, что любит меня и хочет, чтобы я вышла за него замуж. Тогда мне было шестнадцать с половиной лет. Лаврентию же исполнилось двадцать два года. Он объяснил, что новая власть посылает его в Бельгию изучать опыт переработки нефти. Однако было выдвинуто единственное требование – Лаврентий должен жениться. Я подумала и согласилась – чем жить в чужом доме, пусть даже с родственниками, лучше выйти замуж, создать собственную семью. Так, никому ничего не сказав, я вышла замуж за Лаврентия. И сразу же поползли слухи, будто Лаврентий похитил меня. Нет, ничего подобного не было. Я вышла за него по собственному желанию.

Брак Лаврентия с Ниной не мог не вызвать разнообразные толки. Никому неизвестный чекист из Баку, деревенский парень и внешнестью – не Аполлон, увел из семьи Наркома внутренних дел, представителя знаменитого княжеского рода, племянницу, которая помимо всего была писаная красавица. Отсюда и слухи о похищении невесты, которые, вполне возможно, распространяли сами родственники Саши Гегечкори. Это известная на Кавказе средневековая традиция – выдавать неравный брак за похищение невесты. Родственники обеих сторон о «похищении» договаривались заранее. После того как невеста благополучно исчезала из дома с женихом, «безутешным» родителям ничего не оставалось, как дать согласие на брак. Иначе на девушку и весь род ложилось пятно позора. Добавим, что, насколько нам известно, никто и никогда не сказал о Нине Теймуразовне ни одного худого слова. Так что, помимо всего прочего, с женой Лаврентию Берии повезло.

Интересно, что рассказ Нины Гегечкори позволяет увидеть чекиста Берию с неожиданной стороны. Едва появляется возможность перейти с чекистской работы на хозяйственную, отправиться на стажировку на предприятия Бельгии, Берия проявляет недюжинную энергию для достижения этой цели, вплоть до немедленной женитьбы. И даже год спустя, будучи начальником секретно-политического отдела ГПУ Грузии, он напишет заявление в ЦК ВКПб с просьбой освободить его от чекистской работы.

За время своей партийной и советской работы, особенно в органах ЧК, я сильно отстал как в смысле общего развития, так равно не закончив свое специальное образование. Имея к этой области знаний призвание, потратив много времени и сил, просил бы ЦК предоставить мне возможность продолжения этого образования для быстрее его завершения. Законченное специальное образование даст мне возможность отдать свой опыт и знания в этой области советскому строительству, а партии – использовать меня так, как она это найдет нужным. 1923 г. 22/X

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.